

Галина Владимировна Романова

Врачебная тайна

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3460115
Врачебная тайна: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56854-3

Аннотация

Еще совсем недавно Зоя Свиридова была счастлива и довольна своей жизнью, а теперь в одночасье оказалась в глубочайшей депрессии. А все из-за мужа-альфонса, бросившего девушку несколько месяцев назад, отобравшего у нее половину состояния и любимого приемного сына. У нее осталась только одна поддержка – сестра Света. Она всеми силами пытается вернуть Зою к нормальной жизни, удастся ей это с огромным трудом. Но все-таки Светлана не смогла спасти сестру. Придя однажды к Зое домой, она обнаружила ту уже мертвой. Казалось бы, обычное самоубийство – поводов было предостаточно, но вот петля на веревке доказывает обратное... Все следы ведут в поликлинику, где когда-то обследовали приемного сына Зои...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Галина Романова

Врачебная тайна

Глава 1

Ботинки чавкали по мокрому, раскисающему, еще не долетая до земли, снегу. Противный резкий ветер охлаждал щеки, лез за воротник и доставал до лопаток. Волосы были мокрыми от снежных хлопьев. Кисти рук сводило от холода. Можно было накинуть капюшон, подтянуть шарф, застегнуть повыше воротник куртки, спрятать руки в карманы, но он этого не делал. Он просто шел, почти не замечая, насколько продрог и устал. Куда он шел, он не знал точно. Шел вперед, не сворачивая. Натыкался на чьи-то локти, портфели, сумки, слышал гневные возгласы в свой адрес, иногда оскорбления, но и на это не обращал внимания. Распахивались двери магазинов, выпуская наружу потоки ароматного душного воздуха, обильно сдобренного кофейными и ванильными отдушками. Спешили люди, обвешанные пакетами с покупками. Из дверей кафе выпорхнула стайка подростков с горячими пирожками в руках. Запахло сдобой и пряностями. Он на мгновение притормозил, глянул на огромные светящиеся окна.

Там, внутри, в рамках светящихся оконных проемов, как в больших красивых телевизорах, будто шло немое кино. Кино про чужое человеческое счастье, которого его лишили. Там было много нарядных красивых людей с детьми и без. Они сидели за нарядными столиками, на которые в преддверии новогодних праздников уже успели наставить еловых лап и свечей, обернутых яркими шуршащими лентами, и, чинно распахнув меню, ожидали прихода официантов. Кто-то улыбался, кто-то жевал, кто-то пил кофе из белых чашек. Кто-то гладил детишек по головам и целовал жену в щеку. Молодая пара, сидевшая ближе всех к выходу, в самом ярком оконном проеме, не заретушированном тонкой ажурной занавеской, держала друг друга за руки. Потом он выпустил ее левую руку и полез своей правой себе за пазуху. Парень достал какой-то предмет. С того места, где он сейчас стоял, корчась от порывов ледяного ветра и не только, не было видно, что это за предмет. Но, судя по реакции девушки и по тому, как она принялась рассматривать свою ладонь, выставив ее щитом вперед, это было кольцо.

Видимо, он стал случайным свидетелем помолвки, догадался он. И его чуть не стошнило от горестного комка, замкнувшего горло.

Сейчас эти двое клянутся друг другу в любви и верности! Любви и верности до гроба! Вечной любви и вечной верности! А у него...

У него этого не будет уже никогда! Потому что в вечность он уже не верил. Нет ничего вечного, нет! Ничего, кроме смерти! Она, проклятая, венчает все человеческое, она алчно пожирает и любовь, и верность, и счастье. Она, мерзкая, не оставляет ничего, кроме праха и кратенького промежутка времени, отведенного памяти. Но это время быстро проходит. Никто, кроме него, наверное, не догадывается, насколько оно быстротечно, это время, и насколько вероломна память, стирающая день за днем прошлые счастливые годы, дни, эпизоды, моменты.

Человек еще пытается барахтаться, пытается дергать нервы, чтобы не забыть, чтобы все еще чувствовать так же свежо и остро. Ему больно, страшно, но он сопротивляется. А потом вдруг приходит усталость и осознание, что все это без толку! Что ничего уже не вернуть! Что вся эта мысленная раскадровка с каждым днем становится все менее четкой и не так уже теребит.

И... все забывается...

А он не хотел, чтобы забывалось!!! Не хотел!!! И он не допустит!!!

Как? Как сделать, чтобы память не халтурила? А ее просто надо стимулировать новой болью, вот! Просто надо снова мучить ее страданиями.

Пусть будет так. И так будет.

Минуты три он еще стоял и смотрел на счастливых молодых людей. Парень целовал кончики пальцев девушки, она счастливо улыбалась. И что-то шептала и шептала ему, склонившись к самому уху. Потом им принесли заказ, и каждый склонился над своей тарелкой.

Так и будет у них потом, позлорадствовал он. И он, и она со временем ничего не станут замечать дальше своего носа. Ничего и никого! Как вот его теперь не замечают. А и ничего! Ему это даже на руку. Он любую роль освоить способен. И роль маленького незаметного человечка сейчас как никогда кстати!..

Глава 2

Света подъехала к дому сестры и со вздохом подняла голову к ее окнам. Они не светились. Ясно! Сестрица либо ушла из дома бродить по улицам, разбавляя тоску желанием насмерть простудиться. Либо лежит, скорчившись клубком, на диване и плачет.

Света вылезла из машины, открыла багажник, выволокла наружу два огромных пакета с продуктами. Поддержала их в руках, в нерешительности озираясь, слякоть под ногами была жуткая. Оттащила пакеты к скамейкам метрах в трех. Заперла машину и тогда уже, забрав пакеты, пошла к Зойкиному подъезду.

Если честно, ноги ее туда не несли. Предстояло выдержать еще один безрадостный вечер с рыдающей от горя сестрой. Предстояло готовить – а она терпеть не могла этим заниматься, – потом кормить сестрицу с ложечки, потом укладывать ту в постель, уговаривать, как малую, следом мыть кухню. И только потом уже, выполнив этот рутинный круг обязанностей, ставший уже обязательным за последние три месяца, ей можно было отправляться восвояси. Сестрица накормлена, спать уложена, в холодильнике полки ломятся от жратвы, столы и посуда вымыты.

Черт!!! Ей-то вот это все за что?!

Она не выбирала себе в мужа мерзкого Федьку! И даже не советовала Зойке его выбирать. Мало этого, она ее всячески отговаривала от этого замужества.

– Он альфонс! – орала Света на сестру и размахивала у той перед носом руками. – Сейчас, когда мы получили наследство, ты ему нужна. Как только он все это промотает с твоей помощью, то и слиняет!

– Чушь! – гневалась Зойка, мерцая в ее сторону черными глазищами, и аристократически бледные щеки ее взрывались румянцем. – Федя, он... Он такой...

– Говнюк твой Федя! Все, что ему надо, это вскарабкаться повыше. Ты – очередная ступень на его пути к успеху!

Сестрица ничего не желала слушать. Она влюбилась, как глупая корова. Слепо влюбилась и поволокла своего возлюбленного в ЗАГС уже через пару месяцев после знакомства. Тот, к слову, не сильно-то и сопротивлялся. Позволял Зойке делать с собой все, что та пожелает.

Приодеть? Да, пожалуйста!

Прописать? Ну, если это необходимо.

Свести с нужными людьми? Как Зайка пожелает, как пожелает.

Машину ему новую? Ой, да не просит он... но и отказать не может любимой в такой мелочи. Для нее ведь это сущие мелочи.

Папаша-то девушек, упокой, господи, его грешную душу, всю жизнь не желавший никакого с ними общения, вдруг на старости лет воспылал родительскими чувствами. И совершенно неожиданно оставил все свое состояние, нажитое за границей не совсем, может, праведным путем, своим девчонкам. Бывшую жену, кстати, тоже не забыл. Хотя та давно была уже замужем за другим человеком.

Одним словом, Федька ничего нагло не просил у Зойки. Он мягко между постелью и поцелуями намекал ей. Та кидалась, как ненормальная, тут же исполнять. И даже дом затеяла строить за городом – громадный, из темного коричневого кирпича под черной черепичной крышей с бассейном и оранжереей.

– Сумасшедшая!!! – вопила Светлана и пальцем крутила у виска. – Ты не понимаешь, что ли, что это простое выкачивание из тебя средств!

– Как это? – улыбалась Зойка глупой счастливой улыбкой.

– А так! Задумай он с тобой развестись, домик-то пополам! На наследство он вкунуть не посмеет, а домик пополам поделится. А с учетом того, что вы уже успели совместно купить на твои деньги немало, – делала особый нажим на этом Светлана, поскольку Федька ничем серьезно не занимался, кроме разведения полезных знакомств, – домик-то он может оттяпать и целиком!

Что впоследствии и случилось.

– Ты накаркала, гадина! – рыдала в подушки Зойка и гнала от себя сестру прочь. – Только ты виновата!

Виноватой себя Светлана считала только в одном: в том, что не смогла сберечь сестру от страшной, пагубной страсти к Федьке. А потом и еще от ряда ошибок, результатом которых явилась ее теперешняя депрессия.

Она открыла дверь, включила свет в коридоре, опустила пакеты на пол и громко позвала:

– Зойка! Ау, сестрица, это я! Встречай свою Светланку, дорогая! Ау-уу!!! Я покушать принесла. Отбивные твои любимые в сырной корочке. Просыпаемся, девочка, просыпаемся!

Светлана стащила с ног замшевые ботиночки, нашла свои тапки на обувной полке, повесила пуховую курточку на вешалку, подняла с пола пакеты и пошла сразу в кухню.

В квартире было темно и тихо.

Зойка обычно отвечала ей как-нибудь. Стоном там или предложением заткнуться. Иногда в сторону прихожей летел какой-нибудь предмет. Могла быть подушка, годилась иногда и тапка. Однажды вылетел детский пластиковый стульчик. Это когда Зойка впервые напилась после того, как у нее забрали Сашеньку.

Сегодня ничего не летело. И Зойка подозрительно тихо себя вела.

– Заяц! – возмутилась Светлана, рассовывая по полкам холодильника молоко, масло, сыр, отбивные. – Чего притихла-то? Я к ней со всей душой, понимаешь! С душой и с хавкой, а она молчит... Я, между прочим, сегодня пожертвовала свиданием! Да-да, не ухмыляйся там в подушку. Настоящим свиданием!!!

Свидание запросто могло бы состояться, если бы Светлана несколько серьезнее относилась к своему соседу Гарику и уважительнее ко всему мужскому полу. У нее не выходило ни того, ни другого.

Гарика она знала уже почти семь лет. Ровно столько они жили в квартирах напротив. Светлана купила там жилье после получения наследства, Гарик жил там всегда. Сначала с родителями. Потом, когда они съехали за город, один. Света с Гариком здоровались, шутили при встречах, болтали во дворе, очищая свои машины от снега. Выходили на ежегодную уборку территории, организованную пенсионерами, которые наотрез отказывались надеяться на дворников. Он часто помогал ей дотащить сумки до двери. Иногда жаловался на своих девушек. Иногда нахваливал. Захаживал в гости посмотреть телик, кофейку попить. Не обижался, когда она его выставляла. Одним словом, они неплохо соседствовали, необязательно и необременительно дружили. Ну какие тут могут быть свидания! Да еще в ресторане! Да еще где играют джаз! Это же все очень романтично, это все потом настраивает на продолжение. Либо за его, либо за ее дверь. А как она могла, если Гарик просто приятель!

Она и посмеялась ему в лицо сегодня. А он обиделся и так шарахнул своей железной дверью, что на бетонный пол вывалился хромированный ободок его дверного глазка.

– Чокнутый, – досадливо шепнула Света и показала его двери язык. И тут же, оправдываясь, добавила громко, опять же в сторону его двери: – И вообще мне некогда, у меня Зойка на руках!..

Вот гад все же Федька, а! Так отравил всем душу! Так испортил все самые наилучшие представления о том, каким должно и может быть счастье отношений между мужчиной и женщиной.

Света, конечно, не в розовом коконе жила все свои двадцать семь лет и знала, что случаются разочарования, и любовь пройти может, и новая нагрянуть. Это все бывает. И в жизни их матери тоже было. С мужем – отцом своих девочек – их мать рассталась и горевала долго, и не верила никому, но потом-то, потом все у нее сложилось просто здорово! А все почему?

– А все потому, что ваш папаша, хоть и был отъявленным мерзавцем, – поясняла им мать еще подросткам, наряжаясь к венцу с дядей Колей, – гадил он только в одном направлении! Он фанатично был предан карточному столу, сволочь такая! Ему не нужны были бабы! Не нужна была бутылка или наркотики. Он был азартен до противного. Но... но, как видим, и эту свою пагубную страсть он сумел обратить нам всем во благо. Да земля ему будет пухом... – и перефразируя классика, мать добавляла: – Запомните, в человеке не может быть все отвратительным!

В Федьке отвратительным было все! Все, кроме внешности. Тут, конечно, небеса даже перестарались, на Светланин взгляд. Нельзя было создавать такой совершенной внешности при такой мерзкой, подлой душе. Они же теперь с Зойкой вообще ни одному мужику верить не способны. Вообще!!! И если Светлана, защищаясь, обложила себя прочной броней из здорового цинизма, идущим рука об руку с сарказмом, то Зойка сдулась как-то уж совершенно безвозвратно. Она перестала следить за собой. Перестала заниматься своим бизнесом. А у нее имелся прекрасный косметический салон в центре города. Стала выпивать все чаще и чаще. А теперь вот еще перестала и разговаривать.

Светлана с силой хлопнула дверцей холодильника. Поставила чайник на огонь, специально налив в него ровно половину, чтобы он принялся оглушительно свистеть уже через пару минут, чего сестра не выносила. И пошла в комнаты искать ее.

– Зойка... Ты где?

Светлана включила свет в гостиной. Было чисто и пусто. В том смысле, что Зойки там не было. В гостевой спальне, раньше служившей Феденьке кабинетом, хотя ничем, кроме сидения в Сети и глупой переписки с бывшими одноклассниками, он не занимался, сестры тоже не было. Но тоже порадовал порядок. Вчера здесь кучей на столе валялись бумаги, журналы и какие-то счета. В спальне, бывшей когда-то супружеской, кровать была застелена. Но домашнего шелкового халата, который сестра всегда бросала на покрывало, когда уходила куда-нибудь, на привычном месте не было. Подол халата почему-то торчал из-за угла шкафа, где в стену еще Федькой был вбит громадный крюк для боксерской груши. Зачем ему нужно было так неудобно ее вешать, оставалось загадкой для Светланы до сих пор. Он и не ударил-то по ней ни разу. А повесил для чего, непонятно.

А еще торчали Зойкины коленки, неестественно согнутые и выставленные вперед так, как будто бы она готовилась к прыжку из ниши за шкафом. И еще торчали ее руки, безвольно повисшие, со скрюченными пальцами и странного сизого цвета до локтей, ровно до того места, где начинались рукава.

– Зой! Зой, ты чего там, а??? – Светлана прислонилась к притолоке и всхлипнула. Она почему-то сразу все поняла, но все равно еще раз позвала сестру. – Зойка! Хорош дурить!!! Я... Я отбивные тебе принесла. Твои любимые в сырной корочке...

Надо было подойти и посмотреть. Но она не пошла. Сделалось очень страшно. Память услужливо тут же подсунула воспоминание о бабушкиных похоронах и как она боялась смотреть в ее неживое синее лицо. У Зойки теперь могло быть такое же. Она не станет смотреть. Она позвонит дяде Коле, маминому мужу, и вызовет его сюда. И уж он-то точно что-нибудь придумает. Может, Зойка все еще жива и он как-то растормошит ее?..

Она позвонила, попросила пока ничего не говорить матери. Открыла входную дверь. Села в уголок на кухне между холодильником и громадной кадкой с пальмой и стала ждать.

Дядя Коля приехал через полчаса. Он вошел вместе со своим водителем. Заглянули оба в кухню, скупно и деловито кивнули поочередно Светлане. И тут же прошли в Зойкину

спальню. Потом он долго звонил, приходили еще какие-то люди. Много людей. Они топали, сновали взад-вперед. Входили в кухню, пили воду из Зойкиных стаканов. Смотрели в сторону Светланы кто равнодушно, кто с сочувствием, кто с любопытством. Никто ничего не спрашивал, пока один из них – самый уставший и самый седой – не обратился лично к ней со странным вопросом.

– Что? – Светлана близоруко сощурилась на него, хотя зрением обладала великолепным. – Что вы спросили?

– Вы первая обнаружили тело? – повторил седой дядька.

– Тело! – Светлана вздрогнула. – Она что... Зойка что, умерла?! – ее взгляд метнулся к дяде Коле, тоскливо зависшему у дверей кухни бок о бок с водителем. – Ее больше нет, дядь Коль?!

– Ее нет уже около двадцати часов, – строго резюмировал седой. – Вы вчера были у нее?

– Да, была.

– И? – Тот поднял кустистые брови, странно черные.

– И что – и? – вспыхнула она.

– Что было-то?

– Все было нормально... относительно, – тут же поправилась Светлана. – Зойка валялась в кровати, потом я заставила ее принять ванну, поужинать, мы вместе выпили кофе. Потом я все убрала со стола.

– И сразу уехали? – поторопил он ее, когда Света ненадолго замолчала.

– Нет, не сразу. Мы еще какое-то время говорили. Пили кофе. – Она встрепенулась, глянув на седого дядьку со странной надеждой. – Зойка варила! Она варила кофе. Она потрясающе это делает... делала...

– О чем говорили? – Дядька дирижерским жестом снова поторопил ее. – Что за тема для разговора была? Что-то намекало на то, что она готова была... Что она...

– Я поняла, – Света съежилась на стуле, уставилась в пол, пытаясь до словечка вспомнить, о чем они вчера говорили. Потом пожала плечами. – Да все, как всегда, было. Она ныла. Я утешала.

– Ныла о чем?

– О несчастной доле своей. – В горле у нее вдруг что-то странно булькнуло, и тут же из глаз полились слезы. – Она же несчастной была после предательства этого... уroda!

– Света, не надо, – мягко укорил ее дядя Коля от двери. Глянул на седого и кратко пояснил: – Зоя недавно развелась с мужем. Это ее убило!

– Все разводятся, – равнодушно пожал плечами седой дядька.

Почему-то Светлане в глаза бросались именно его седые пряди, разметававшиеся во все стороны вокруг намечающейся лысины на макушке. И еще иссиня-черные брови. Она вообще не могла рассмотреть сейчас ни глаз его, ни во что дядька одет, обут.

– Все разводятся, – снова повторил он. – Что же, из-за этого в петлю лезть?

– А она... – Светлана приоткрыла рот ладонью, уставилась на дядю Колю полными слез глазами. – Она... Она в петлю, да, дядь Коль???

Тот широко шагнул к ней от дверей, потянул ее со стула, прижал к себе и принялся гладить по волосам, будто это могло ее утешить. Ей напротив было неприятно прижиматься щекой к его кожаной куртке с накладными карманами на кнопках. Одна кнопка как раз врезалась ей в щеку. И вообще, она бы сейчас предпочла оказаться у себя дома. Предпочла бы забраться с ногами на диван, укутаться в теплый мохнатый плед в серо-сизую клетку и предаться горю наконец.

А вместо этого она должна отвечать на глупые вопросы, слушать глупые возражения и уж совершенно неуместное чье-то мнение на этот счет. Ей не нужно знать ничье мнение! У нее свое собственное имеется.

Федька!!! Это он виноват в смерти Зойки!!! Только он, он один, гад!!! Его надо привлечь!

– А ведь существует такая статья, да? – вдруг ворвалась она тревожным возгласом в негромкий говор мужчин на Зойкиной кухне.

– Которая? – Черные брови сошлись над широкой переносицей, разговоры разом стихли.

– Доведение до самоубийства, так?

– Да, за это предусмотрено наказание, – осторожно заметил дядька. И тут же его толстый указательный палец с идеальным розовым ногтем поднялся вверх. – Но это весьма сложно доказать.

– Да что же тут доказывать-то, господи! – воскликнула Светлана и откачнулась от дяди Коли, все время стремящегося ее укрыть от посторонних широченным своим торсом в необъятной куртке с заклепками. – Федька! Это он!!!

– Федька кто у нас? – вопросительно стрельнул в ее сторону ярко-синими глазами, надо же, под черными бровищами оказались такие вот глаза.

– Федька – бывший муж! Он, мерзавец, довел ее до такого... – Светлана неопределенно махнула в сторону выхода из кухни рукой.

– Чем конкретно?

Синие глаза строго глянули в сторону дяди Коли, которому все это не нравилось и которого, судя по всему, это все жутко тяготило. Он без конца отворачивал левый рукав куртки и смотрел тревожно на часы, потом оглядывался на водителя и вопросительно дергал плечами. Торопился, видимо. Он вообще был очень занятым человеком. Занятым, деловым, предприимчивым и заботливым в отношении жены. К ним – ее девчонкам – он относился по-разному. Временами опекал. Временами помогал. Временами раздражался. Ну а в общем и целом Зойка и Света были ему по барабану. Не доставали, и то слава богу.

Девочки достаточно взрослые – Светке двадцать семь, Зойке двадцать девять. Достаточно обеспеченные. Благодаря неожиданному наследству от помершего на чужбине папаши. Самостоятельные. У Зойки бизнес. У Светланы тоже что-то намечается, не определилась пока толком, в поисках себя. На что живет? Процентов за глаза хватает и на хлеб с маслом, и на шмотки, и на то, чтобы за квартиру платить. Да и берет какие-то заработки то там, то сям. Чего ей? Семеро по лавкам, что ли, голодают?

Так обычно дядя Коля разглагольствовал при посторонних. Да так и думал, наверное. Он вообще врать не любил. Врать и изворачиваться. Как было, так и говорил. Сейчас он вот молчал, но маялся. Видимо, спешил. А может, объяснения с матерью боялся. Вот чего Светка делать не станет точно, так это сообщать обо всем матери. Она не выдержит. Она тогда точно помрет. Пусть уж дядя Коля. Пусть он все.

– Дядь Коля, – позвала его Света, когда Зойку уже унесли на носилках, и народ, обремененный полномочиями, начал мало-помалу расходиться. – Ты... Ты...

– Я все сделаю, детка, – догадался он, кивнув, его рука легла ей на плечо, слегка сжала. – Ты давай, поднимайся, мы отвезем тебя домой. Маме... Маме я сам скажу. И насчет похорон распоряжусь. Ты не переживай хоть за это. Впереди очень трудная неделя. Неподъемно трудная...

Трудным неподъемно оказался весь последующий месяц. Дни медленно ползли, наполненные болью, скорбью, тревогой за мать и странным, непонятым ожиданием. Для Светланы это было, как колыхаться в старом, старом поезде, пробираясь сквозь туман и сотню забытых богом полустанков. Конца и края не было этому страшному путешествию, наполненному плачем матери, запахом лекарств, вопросами соседей. Спасибо дяде Коле, догадался, выставил ее на сороковой день.

– Все, Светка, хватит, – строго свел он брови. – Давай домой. Гарик звонил, цветы там твои без тебя погибают.

– А как же мама? – Она растерянно оглянулась на дверь материнской спальни.

– Маму я беру на себя. Не волнуйся, справлюсь.

– А как же я? – Она беспомощно развела руками, глянула на него со слезами. – А как же я без вас?

– Ты без нас быстрее придешь в себя, поверь, дитя. – С этими словами дядя Коля поцеловал ее в лоб и выставил из дома. И уже на пороге крикнул ей в спину: – Послезавтра наведайся к следователю, он хотел задать тебе несколько вопросов!

– Вопросы? – Света наморщила лоб. – Каких вопросов?

Опять вопросы!!! Сколько же можно, господи?! Все выяснили, все подписали. Самоубийство, сделал вывод эксперт. Чистой воды самоубийство. Ни синяков на теле, ни царапин, могущих свидетельствовать о насилии. Человек добровольно расстался с жизнью. О чем еще можно спрашивать?

– Не волнуйся, это просто формальности. Где-то там твоей подписи не достает и все, – скупой улыбнулся дядя Коля и помахал ей рукой. – Все, Светка, давай приходи в себя и... что-то надо думать на Новый год, а? Может, уедем куда-нибудь?

Света фыркнула и отвернулась. Молча добрела до машины и уехала. Ровно половину пути она дядю Колю ругала за сухость, за торопливость излишнюю. Не терпелось ему, видишь ли, поскорее скорбь из дома выветрить. Праздника для души хотелось! Что он там про Новый год? Уехать??? Да пускай катится! Она никуда с ними не поедет. Ей и дома неплохо.

Дома и правда оказалось хорошо, и она дядю Колю частично простила. Квартира встретила ее чистыми полами, выбитыми коврами, протертой от пыли мебелью и сваренной кастрюлей молочной рисовой каши.

– Гарик... – улыбнулась Светлана неожиданно для самой себя, хотя думала, что уже никогда не способна будет это сделать. – Гарик, какой ты умница...

У него были ключи от квартиры, Светлана вручила ему запасной комплект на Зойкиных похоронах, попросила присмотреть за цветами. А их у нее было великое множество на стеллажах и красивых витых подставках, на шкафах и тумбочках. С цветами было все прекрасно, это дядя Коля приврал, чтобы выставить ее из дома или растормошить.

Гарик пошел несколько дальше и ухаживал не только за ее цветами, но так же и за мебелью, и за коврами. Даже фужеры в стеклянном шкафу в кухне сверкали по-новому. Тоже, видимо, протирал.

Ну, какой умник, а!

Светлана повесила куртку в шкаф, протатила сумку с вещами, которые брала к матери, в свою спальню. Полчаса раскладывала вещи по полкам. Потом час лежала в горячей ванне, воткнув в уши наушники. Потом ела кашу прямо из кастрюли. А потом позвонила Гарика.

– Я дома, Игорек, – пожаловалась она.

– Круто, – ахнул он и добавил: – Я тоже!

– А ты чего?

– На больничном я, Света. На больничном. – И каким-то не своим голосом, не привычным каким-то, она такого, во всяком случае, за семь лет не слышала ни разу, Гарик добавил: – А может, уже и нет, уже и не знаю.

– Эй... – Она на мгновение забыла о своей боли, без конца сжимающей сердце, и уже громче: – Эй! Что стряслось?! Иди ко мне, ага?

Он отключил телефон и через пару минут уже ворочал ключами в ее замке.

– Извини, по привычке. – Он помотал в воздухе связкой своих ключей, на которую прицепил и ее. Кинул ей в руки, она еле успела поймать. – Отцепи, если несложно.

– Несложно, только. Только чего сам-то?

Света глядела в широкую спину Гарика. Он очень быстро обошел ее, почти на нее не глядя, и двигал теперь в ее гостиную.

– Эй, Гарик!!! Ты чего это, а?

Она немного удивилась и еще чуть-чуть обиделась. Обычно они при встречах целовались, не всегда, но бывало. И уж точно всегда пожимали друг другу руки. А тут никакого внимания. Он даже не оценил ее новый халат, который она по рассеянности надела после ванны. А халатик-то был хорош! Шелковый, нежного серого цвета с розовыми бликами по всему подолу. И очень шел, между прочим, к ее светлым волосам и карим глазам. И фигуры нежный абрис творил просто замечательно.

Что это с Гариком?!

– Эй! – Она шла за ним по пятам, пытаясь догнать и ткнуть его кулаком в спину. – Может, объяснишься, а?!

Не догнала. Гарик успел шлепнуться в кресло возле дивана и положить себе на колени маленькую бархатную подушку, на которой она иногда дремала, завернувшись с головой в плед. Руки он спрятал под подушечку. Голову вжал в плечи, а взгляд исподлобья уставил куда-то ей в колени. Ага, халатик-то все же не остался незамеченным!

Что это на нее нашло, интересно?! Может, дядя Коля, которого она костерила половину пути, не так уж и не прав, выдворяя ее из своего дома? Может, только тут она способна думать о чем-то еще, кроме своего горя?

– Игорек? – Света капризно топнула ножкой в мягкой тапке. – Что за фигня? Здрасьте, кто говорить будет?

– Здрасьте, – буркнул он и кивнул. И тут же еще раз кивнул, но уже в сторону соседнего кресла. – Сядь, Светка.

– Что-то случилось?

Она послушно села. Замерла, глядя с тревогой на соседа.

Что-то с ним было не так, это точно. И дело даже не в том, что он не поздоровался с ней и не оценил ее новый халат, который она, кстати, надела по наитию скорее, чем из желания блеснуть.

Халат они покупали с Зойкой.

Нет, с Гариком что-то случилось не в плане воспитания. С ним вообще что-то было не так. Он был бледным, под глазами огромные круги. Губы обветренные, взгляд, как у охваченного лихорадкой человека.

– Что??? – Сердце вдруг снова сжалось, привычно отреагировав на тревожный посыл.

– Вот что! – вскричал Гарик и выдернул из-под ее маленькой бархатной подушечки левую руку.

Кисть была забинтована. Странно, что она не заметила этого сразу. Видимо, он спрятал ее, когда вошел, в кармане толстовки. Но забинтована и забинтована, видимо, поранился. А мог и подраться. Гарик мог, сейчас притих, а лет пять назад любил помахать кулаками. С кем не бывает-то? Но, присмотревшись внимательнее, Светлана похолодела. В аккуратно наложенных бинтах на кисти Гарика явно чего-то не хватало.

– Что это?! – Она потянулась рукой в пустоте, на которой должен был быть мизинец и безымянный палец. – Что, Гарик?!

– Теперь... Теперь это уже ничего! У меня нет теперь двух пальцев, Светка! – завопил сосед и снова спрятал руку под ее подушку. И начал раскачиваться в кресле взад-вперед, приговаривая: – Чудо... Просто чудо какое-то, что я вообще всех пальцев не лишился! Уроды, блин!!! Уроды...

Света вскочила на ноги и метнулась в кухню. Налила в высокий пузатый стакан воды и принесла приятелю.

– Да иди ты, Светка! – отпихнул он ее руку, вода из стакана плеснула на пол, и Гарик тут же накрыл мокрое пятно своей тапкой. Буркнул: – Извини!

– Ага.

Она пристроила стакан на столик, едва втиснув его меж цветочных горшков. Уставилась с болью на Гарика. Помолчала, потом не выдержала:

– Как? Как это случилось?

– Что случилось? – вкрадчивым тихим голосом спросил Гарик и посмотрел на нее, как на врага. – Как случилось, что у меня теперь на руках восемь пальцев? А могло быть и пять?

– Ну! Ты что, подрался?

– Нет! – с истеричным смешком замотал тот головой, раскачивания его стали интенсивнее.

– А-а-а... Что тогда?

– Я просто порезал палец, Светка. Просто... Порезал палец ножом... Когда резал мясо. Порезал! – взвизгнул он на последнем слове. И неожиданно всхлипнул.

Светлана остолбенела.

Заставить Гарика раскваситься, казалось, не могло ничто! За семь лет, что она его знала, она ни разу не усомнилась в его сильном мужском начале. Нравилось ей это или нет, вопрос другой. Но он никогда не был нюней, слабаком и уж тем более плаксой!!!

– Хорошо, ты резал мясо. – Она подняла ладошки кверху, призывая его к вниманию. – Дальше!

– Порезал мизинец. Сильно порезал, кровищи было много, – неожиданно подчинился ее просьбе сосед, начав рассказ. – Сам перевязал, но кровь не останавливается. Я и пошел в нашу районную больницу. На Карла Маркса, знаешь?

Еще бы ей не знать!

– Дальше! – кивнула она, возмущаться не стала, чтобы не спровоцировать новый приступ слабости у соседа.

– Пришел. Меня послали к травматологу.

– К Стуколову? – насторожилась Светлана.

– Да. Знаешь его?

Еще бы ей не знать!

– Дальше!

– Там у него в кабинете дружок его сидел, с бодуна видимо, запахан в кабинете такой, как в трезвяке в давние годы, – криво ухмыльнулся Гарик. – Эскулапы, мать их...

– Дружок который?

Света сунула руки в карманы халата и крепко сжала пальцы в кулаки. Почему-то она знала, что будет дальше в рассказе несчастного Гарика. Что-то подсказывало ей, что и другом травматолога окажется тот самый мерзкий педиатр, из-за которого...

Так, стоп, тс-сс! Нельзя так! Нельзя тасовать в одну колоду все. У нее одна история, у Гарика другая. Нельзя, чтобы ее поутихший гнев распалял гнев его.

– Дружок-то? А Иваном он его называл.

– Босов Иван Сергеевич, – кивнула Светлана. – Понятно... Дальше что было?

– А ничего. Посмеялись они надо мной. Больше, конечно, ржал этот с пьяной рожей. Говорит, скоро с занозой приходить станут. Пальчик, мол, порезал и в больничку скорее. Стыд и срам, и все такое. Он, мол, сам может мне перевязать салфеткой любой. И все время сволочь эта пьяная повторяла: стыд и срам, стыд и срам... Я слушал, слушал, да и ушел. А к следующей ночи у меня температура поднялась. Не сильно, правда, но все же я перепугался. И палец начал стрелять. Я снова к этому уроду пошел. Показываю. Тот скальпелем саданул по ране, я чуть не сдох, Свет! – Гарик снова перешел на плаксивый тон. – Потом что-то чем-

то ковырял, я, честно, орал так, что стены дрожали... Потом сестра перебинтовала и снова отправили меня домой.

Гарик вдруг замолчал, зажмурился. Откинулся на спинку кресла и замер. Посидел так немного, уткнувшись подбородком в воротник толстовки, потом судорожно вздохнул и произнес удушенным голосом:

– А на следующую ночь я и правда чуть не сдох, Светка. Температура подскочила к сорока. Повязка вся в крови. И уже два пальца стреляют. Я в другую больницу. А там... Там мне сказали, что началось заражение. И чтобы не лишиться всей руки, а то и жизни самой, пальцы надо ампутировать. Вот так-то!

– Стыд и срам... – тихо проговорила Светлана, глядя перед собой в одну точку.

Все это она уже слышала. И про стыд, и про срам. Правда, от более-менее трезвого Ивана Сергеевича, но слышала. И глаза его равнодушные видела. И физиономию брезгливо скорчившуюся, когда Зойка упала перед ним на колени.

– Помогите!!! Прошу вас, помогите!!! – рыдала и билась ее сестра перед этим человеком. – Вы же можете!!! Одно ваше слово!!!

Он мог! Он мог дать заключение, что синяки на теле ее приемного сынишки Саньки получены в результате падения с горки, а не...

Господи! Сколько же они тогда выслушали!!! Иван Сергеевич надрывался и плевался праведным гневом, помогали ему в этом его друг – травматолог Стуколов Геральд Федорович – и жена Ивана Сергеевича – Алла Ивановна, заведующая терапевтическим отделением. Все набросились на сестер, когда они, подхватив упавшего с горки Саньку, привезли его в больницу. Почему именно эта троица занималась конкретно их случаем, Светлане непонятно до сих пор. Но занялись они знатно.

Во-первых, они сразу госпитализировали Саньку, чего было делать совсем и необязательно. Мальчишка набил себе пару шишек на голове и расшиб до крови коленку.

Во-вторых, они тут же известили органы опеки и милицию. И к Саньке в палату Зойку больше не пустили. Только в присутствии сотрудника опеки ей было разрешено с ним видиться.

В-третьих, они всячески способствовали тому, чтобы у Зойки Саньку забрали. И на суде свидетельствовали против нее, и в средства массовой информации «утку» запустили.

Сестры так растерялись тогда, так не готовы были бороться с бюрократической машиной, заработавшей вдруг споро и сноровисто, что не заметили, как у Зойки Саньку отобрали.

И пожаловаться-то им тогда было некому, вот беда. Мать с дядей Колей были в путешествии где-то в Австралии. А когда вернулись и дядя Коля кинулся искать пути-дороги по возвращению Саньки, оказалось, что того из детского дома уже забрали.

– Кто??? – ахнули они тогда в оба голоса с Зойкой.

– Отец. – Дядя Коля бывал иногда краток. Но тут снизошел и пояснил: – Родной отец. Так что смысла нет копыа ломать. Все права на его стороне.

Разве могла такое выдержать ее бедная сестра?! Разве могло выдержать ее маленькое доброе сердце?! Сначала ее предал Федька. Мало того что предал, так еще нагло поделил имущество, забрав себе дом, машину, кучу вещей, фарфор коллекционный.

Потом вот Сашеньку забрали.

– Успокойся! – прикрикнула однажды на Зойку мать, это когда сестра сильно уж распоясалась в истерике. – Нечего убиваться по чужому ребенку. Своих нарожаешь! Еще неизвестно, чьих он родителей сын! Могла быть такая наследственность...

Все, при матери и дяде Коле тему эту больше не поднимали никогда. Но с ней, со Светкой, Зойка без слез не могла вспоминать о мальчике.

– Это все эти гады! – трясла кулачками Зойка в сторону окна, в том направлении находилась районная клиника по соседству со Светкиным домом. – Врачи! Они виноваты! И зачем я только поехала в ту больницу?! Зачем???

– Затем, что она была ближе всех от той горки, с которой он упал...

Стыд и срам, значит. Эти слова без конца срывались с уст Ивана Сергеевича и во время судебного разбирательства, результатом которого стало то, что мальчика отобрали. Этими словами не переставал сыпать, оказывается, Иван Сергеевич и поныне.

– Свет! Свет, ты чего?

Гарик когда-то уже слез с кресла. Встал перед ней на коленки и, вцепившись в ее локти, тряс ее. Грубо и неистово, можно даже сказать, тряс.

– А? Чего я? – Светлана неожиданно погладила Гарика по коротко стриженной макушке, вымученно улыбнулась. – Не дрейфь, Гарик! Ты и с восемью пальцами классный.

– Да, классный. – Он со вздохом развернулся, сел у ее ног, уложил голову ей на коленки. – А с работы попросили.

– Да ты что?! – ахнула Светлана, не замечая, что так и продолжает гладить соседа по волосам. Раньше она никогда не позволяла себе таких вольных нежностей. – Как это попросили?! Они же без тебя ничто! Да ты же... Ты же... А они тебя уволили!!!

– Да нет, увольнять не собираются. Просто рекомендовали работать дома. Ну, чтобы не светиться с обрубком... Черт! Никогда не думал, что из-за какого-то уроды стану инвалидом в двадцать семь лет!

– Дурак ты, а не инвалид.

Светлана легонько шлепнула его по макушке, начала протискивать колени, чтобы встать. Халат завернулся, и, конечно же, Гарик тут же устоял на ее голые ноги.

– Классные. – Он провел кончиком пальца правой руки по ее коленке. – Теперь даже думать о тебе страшно.

– Почему? – удивилась она, но по макушке шлепнула еще раз, чтобы не вольничал. Встала и поманила его в кухню. – Идем кофе пить, сосед. И разговор есть. Важный. А почему, к слову, думать-то теперь обо мне страшно?

– Ну, я теперь убогий. Кому же я такой нужен-то? – И он совсем непритворно надул губы, вот-вот расплачется. – Как вот теперь перчатки-то носить, Свет? Палец пятый и четвертый к ладошке пришивать?

Она не ответила, решив, что излишняя жалость Гарику только во вред. Подтолкнула в кухню и тут же сунула ему пакетик с кофейными зернами и кофемолку.

– Действуй!

А сама начала лепить бутерброды. Гарик любил с двух сторон по тонкому ломтику черного хлебushка, желательно с тмином. Потом по салатному листику на каждый хлебный ломтик. Следом тонкая полоска сыра, серединка должна была заполняться чем-то рыбным.

Рыбы в холодильнике не было.

– Консервы имеются, будешь? – уточнила она из холодильника.

– Буду. Что делать-то! В этом доме приучат жрать всякую гадость. Кашу ела?

– Угу.

– Понравилась?

– А то!

– Вот видишь, какой я полезный, – первый раз за все время Гарик улыбнулся, хотя и вздохнул.

Он аккуратно высыпал перемолотый кофе в чашку кофейной машины, зарядил, вдавил кнопку. Понаблюдав за тем, как Светлана безуспешно пытается разложить на сырной полоске куски из консервной банки. Пальцы в масле, кусок крошится, сползает с бутерброда. Она его ловит, снова кладет на бутерброд. Качнул головой.

– Да растолки ты, и все, – посоветовал Гарик и двинул ее боком, отбирая почти готовый бутерброд. – Там все равно перемелется... Да-а-а... Совсем готовить не умеешь, Свиридова. Стыд и срам.

И тут же поперхнулся. Как только произнес два этих сакраментальных слова, от которых Светлану мутило уже давно, а теперь вот с новой силой, так и подавился. Кашлял долго, надсадно, знаками просил постучать его по спине. Она послушно шарахнула пару раз кулаком ему между лопаток. Потом дождалась, когда он отдышится, усадила за стол, поставила перед ним чашку с кофе, села напротив. И спросила наконец то, что просилось у нее с языка:

– И что же, Игорек, ты намерен им все это простить?!

Удивительно, но он понял сразу. А это случалось нечасто. Порой приходилось подолгу разжевывать, до тумачков дело доходило. А тут вдруг понял, подобрался весь.

– Есть соображения? – это уже он спросил.

Хорошо спросил, правильно, по-мужски. Светлана порадовалась.

– Есть!

– Какие? – Гарик отставил пустую чашку, выхлестав кофе одним глотком.

– Нужно призвать к ответу этих сволочей, Игорек. – Она тоже залпом выпила кофе и поставила свою пустую чашку рядом с его. – Не без их помощи у Зойки Саньку отобрали. О-очень старались, мерзавцы! Очень! Надо их наказать!

– Надо! – согласно кивнул он и задал все же вопрос, которого она ждала и боялась: – А как?

– Я не знаю! – вспылила она. – Ты мужчина, ты и думай!

– В прокуратуру, что ли, с этим идти? – он криво ухмыльнулся и ткнул испачканной в консервах вилкой в то место на столе, где лежала его перебинтованная кисть и где должны были лежать его пальцы. – Посмеются, и только! Даже записи в карточке моей нет, я проверял.

– А что, надо было руку всю потерять, чтобы прокуратура внимание обратила? – огрызнулась Светлана. Нахохлилась, покосилась на Гарика, воодушевленно вылавливающего из консервной банки рыбные ошметки. – А что тогда делать-то, Гарик?!

– Что-нибудь, Светка, непременно сделаем, – пообещал он ей после продолжительной паузы, в течение которой с болезненной гримасой смотрел на отсутствующие пальцы на левой кисти. – Мы с тобой такое придумаем, что они всю жизнь помнить будут!!!

Глава 3

– Аллочка, детка, подойди ко мне, пожалуйста! – ныл Иван из супружеской спальни, насквозь пропахшей винными парами.

Временами он срывался на оперное пение и завывал так, что соседи сверху не выдерживали и принимались колотить в пол чем-то тяжелым. Громоздкая медная с хрустальными подвесками люстра принималась тихо раскачиваться туда-сюда. И Алла, порой глядя на это безмолвное тяжелое покачивание старинного хрусталя, мечтала о том, чтобы люстра эта как-нибудь взяла да и сорвалась. И накрыла своей тяжестью Ивана.

Раз и навсегда... Раз и навсегда...

– Ну, прошу-ууу, деточка-ааа, – надрывался Иван, разметавшись на мятых несвежих простынях. – Подойди к папочке-ее!!! Папочка, ха-ха-ха... – Хохот был не просто гомерический, он сопровождался еще и характерным подвыванием. – Ха-ха-ха-ха-аааа, твой папочка хочет выпить еще и еще и еще раз! И много, много, очень много раз!!!

Неожиданно стук в потолок прекратился, люстра перестала качаться, но почти тут же позвонили в дверь.

Алла оторвала свой взгляд от проема в спальню, нашарила на ковре под ногами домашние туфли, обулась, поднялась и медленно пошла в прихожую.

За дверью стояла соседка с верхнего этажа – грудастая бабища в толстом оранжевом халате в тапках на босу ногу и с перемотанной платком головой. На Аллу она смотрела с холодной непримиримой ненавистью.

– Когда это прекратится?! – взвизгнула бабища вместо приветствия.

Алла скрестила руки под грудью, вопросительно выгнула бровь. Все ее вопросы и слова в данном конкретном случае были излишни.

– Это что же такое??? Интеллигентные люди, врачи, а что творят??? – не меняя тональности, продолжила соседка с верхнего этажа. – Сына бы, сына постеснялись!!! Хороший же мальчик вырос! А что вы творите???

Внезапно женщина ойкнула, запнувшись на полуслове. Странно качнулась в сторону Аллы и, если бы та ее не поддержала, точно влетела бы в распахнутую дверь их квартиры. Не понимая, что происходит, Алла, все еще удерживая соседку за толстый локоток, выглянула из-за ее плеча и, о, господи, увидела своего сына. Он был бледен до неузнаваемости, посиневшие губы дрожали, пальцы сжаты в кулаки. Вдобавок ко всему с волос его, с воротника куртки текло, как если бы он час стоял под дождем.

– Антон! – ахнула Алла, выпустила толстый чужой локоток, потеснила даму в угол лестничной клетки и шагнула к сыну. – Что случилось?! Господи! Ты же весь промок!!!

Адское пение из квартиры прекратилось. Соседка вжалась в стену, наблюдая за тем, как сын на негнущихся ногах осторожно обходит мать стороной. Правда, соседке успел кивнуть перед тем, как скрыться в квартире. Хороший мальчик.

– Извините вы нас, бога ради, – прошептала соседке Алла, и в глазах ее точно-точно слезы блестели. – Как напьется, на себя не похож. Хоть милицию вызывай, честное слово!

– Да ладно, чего уж сразу и милицию, – махнула рукой в толстом оранжевом рукаве бабища с верхнего этажа. – Пусть хоть орет-то потише, внука спать не могу уложить который час.

– Хорошо, хорошо, простите нас, ради бога...

Алла закрыла дверь, привалилась к стене. Взгляд ее прошелся по дорогим обоям, зацепил край авторского светильника, сделанного на заказ в Австрии, сполз вниз к дорожному ковру ручной работы, на котором кучкой валялась грязная мокрая куртка Антона, его джинсы, свитер и грязные ботинки.

Хороший мальчик! Очень хороший мальчик у них с Ваней вырос! Школу едва закончил, в институт перестал ходить через неделю после начала занятий. Шляется где-то целыми днями. Одно утешает: приходит трезвый и без признаков наркотического дурмана. Ах да! И еще вежлив всегда. И с родителями, и с соседями.

Хороший мальчик!

А не от его ли подножки едва не свалилась с ног бабища с верхнего этажа? Не с его ли помощью та оступилась?

Алла подняла голову. Прислушалась. В ванной лилась вода и едва слышно напевали. Иван? Да, кажется. Антон никогда не поет. Он вообще ненавидит петь. Это у него отец вытравил вместе с желанием проводить время в застольях.

– Он меня на всю жизнь закодировал, – смеялся как-то сын, когда еще мог смеяться.

Нет, он, конечно, смеяться и сейчас может, но вне стен этого дома. Дома он всегда молчалив, угрюм и весьма сдержан. Все его диалоги с матерью свелись к краткому: да, нет, не знаю, может быть, потому что, завтра, а зачем. С отцом он давно не разговаривает. Ему противно, как заявил однажды сын.

И она его за это не осуждала. Ей и самой давно уже был противен Иван. Омерзителен до икоты. Но она-то нашла себе утешение, она-то со своим отвращением к нему справилась. А сыну что делать? Он-то отца поменять не может, как она мужа на любовника.

Алла нагнулась, подняла вещи сына и потащила их в кладовку, переделанную под прачечную рядом с ванной. Куртку повесила на плечики возле радиатора, стирки та не требовала. Джинсы скомкала и сунула в стиральную машинку. Ботинки принялась отмывать в раковине. Поставила потом в сушику, включила щадящий режим. И пошла в его комнату.

– Антон? – позвала Алла от входа, чуть приоткрыв дверь. – Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Он лежал лицом к стене на своем большущем мягком диване, укутавшись по самые плечи теплой бабушкиной шалью. Он очень любил эту шаль, завещанную ему матерью Аллы. В нее кутался еще ребенком, когда заболел. Не оставил привычки и теперь.

– Ты не заболел? – Она села на краешек дивана, потрогала его лоб, температура была в норме. – Что с тобой, сынок?

– А с вами, ма, что?! – Он взвился пружиной, сел, глянул на нее ледяными злыми глазами. – Вы же превратились... Вы же превратились в скотов!!!

– Антон! – она ахнула и закрыла рот рукой, чтобы не обругать, чтобы не ударить. – Что ты такое говоришь???

– А что такое вы вытворяете?! – Он шумно задышал, и глаза его вдруг наполнились беспомощными слезами. Он потянулся к ней, уткнулся в воротник ее халата. – Стыдно соседям в глаза смотреть! Это же... Это же надо жрать так каждый день, каждый день! Давай его в лечебницу оформим, а, ма?

– Я не знаю, – неуверенно пожала плечами Алла, целуя сына в макушку. – Он ведь не поедет.

– А мы силой его туда свезем. Свяжем и свезем, а?

– Сбежит, сбежит он оттуда, Антоша. Лечение тогда дает положительный результат, когда оно добровольное. А так... – Алла махнула рукой, отстранилась и встала с дивана. – Он ведь неплохой, Антош, отец-то наш. Слабый просто очень.

– Ага! Выпивку находить на каждый день у него силы воли хватает. – Антон снова улегся лицом к стене, натянув бабушкину шаль по самые уши. – Он же врач! Детский врач! Как можно?... К нему детей приводят на прием, а он с бодуна! А если... А если он кого-нибудь угробит, ма?!

– Угробит он, угробят его! – вдруг зло выпалила Алла и закрыла лицо руками. – Как же я устала от всего, сын, если бы ты только знал. Как устала!!!

– Мне людям стыдно в глаза смотреть. Пацанам, – пожаловался Антон, не оборачиваясь. – А как пациенты? Как они-то с ним?! Как его до них допускают?! От него же за версту разит!

О, тут Ване равных не было в изобретательности, ухмыльнулась неприятно Алла, отворачиваясь к окошку, за которым плескалась непроглядная мокрая темень. Тут Ваня еще с ночи начинает готовиться. Встает в четыре утра по будильнику, выпивает какой-то сложный раствор, приготовленный ему кем-то из врачей. Потом еще раз пьет его в половине восьмого. Ни тебе амбре, ни покрасневших глаз, руки, правда, трясутся, но это ведь может быть и не от запоя, так?

Другой вопрос: как долго станут терпеть его пропитый давно профессионализм родители больных детей? Антон правильно отметил: когда-нибудь Ваня кого-нибудь угробит, и соскочить ему не удастся, как было в последнем случае, когда он, не понимая, что с ребенком, уложил его в диагностический стационар. И на том спасибо. Там диагностировали, вылечили. Но вечно-то туда своих пациентов он отправлять не сможет, так? Когда-нибудь, рано или поздно...

Рано или поздно...

– Скорее бы уж, – прошептала одними губами Алла. Отвернулась от черного проема окна, по которому барабанил мокрый снег, глянула на сгорбившегося под шалью Антона. – Сынок, у тебя-то хоть все в порядке?

– Да, мам. У меня все хорошо, – уверенно произнес Антон.

– А где ты был? Почему так вымок?

– Да насчет работы мотался. – Он чуть повернул голову в ее сторону, улыбнулся скупой. – Скоро я с работой буду, мам. Стану тебе помогать. Не абы какие деньги, но все же.

– Хороший мой! – расчувствовалась Алла, приложила губами к его макушке, подтянула шаль повыше, подоткнула под спину и ушла.

Иван уже гремел кастрюлями на кухне. Не иначе собрался варить супчик. Так он называл темную бурду из свеклы, моркови, капусты и лука. Считалось, что это высококласный рецепт для вывода шлаков из организма. Для начала не надо было бы организм этот шлаками засорять, но разве ему что докажешь.

– Добрый вечер. – Алла тихо прошла мимо мужа, опустилась на стул у стола, схватила в руки край плетеной салфетки, начала скручивать в трубочку. – Как самочувствие?

– Могло быть и лучше, – продекламировал нараспев Иван, натирая на терке морковь.

Он паршиво выглядел и знал это, поэтому и не поворачивал к ней одутловатой физиономии с раздутыми, будто вывернутыми наизнанку веками и мутными бесцветными глазами. Несвежая мятая футболка, тренировочные штаны, сбитые тапки. Отвратительно!

– Как там наш наследник?

– Наследник нас ненавидит, – резюмировала Алла, с брезгливой гримасой наблюдая, как по всей кухне разлетается морковная стружка. Скоро к ней добавится еще и свекольная, потом капустные чешуйки, луковые.

Господи! Освободи ее от всего этого!!! Неужели ты не видишь, что она на грани!!! Неужели способен спокойно наблюдать за растущей в ее душе ненавистью?! Она же...

Она же на грани! Она уже не раз проигрывала в голове сцены смерти благоверного. Знала, что не решится, но мечтала и мечтала без конца об этом.

– Нас? Ненавидит? – На мгновение терка для овощей перестала распылять вокруг себя овощные ошметки, плечи Ивана поникли, но тут же он снова вскинулся. – А за что нас ненавидеть, Алусик? За то, что до сих пор содержим этого охломона? Он не учится, не работает, пьет, жрет за наш счет...

– Пьешь и жрешь по большей части все ты, – еле сдерживаясь, чтобы не начать визжать в полный голос, процедила сквозь зубы Алла. – Пьешь, а потом жрешь свою бурду! Снова пьешь и снова жрешь! Господи, как же я...

Плечи Ивана снова понуро опустились. Терка полетела в раковину.

– Ну! – потребовал он забытым властным голосом, за который она его и полюбила когда-то. – Чего же умолкла? Продолжай, продолжай! Господи, как же я... А дальше что? А дальше должно идти: либо как же ты меня ненавидишь, либо как же ты от всего этого устала. Я угадал?

Он повернулся к ней, глянул с тяжелой догадливой ухмылкой.

– Ты не так уж оригинальна, дорогая. Так вопит восемьдесят процентов бабского населения планеты. И так же, как ты, продолжают жить дальше именно так, а не как-то еще. Почему? Вот почему ты от меня не уходишь? Тебе же есть, к кому идти, а? Есть, я знаю.

Алла вжала голову в плечи, затравленно глянула на мужа. Мысли испуганно заматались.

Он что? Он что, правда знает о ее романе с его лучшим другом?! Но как так можно?! Он же продолжает ходить к нему в гости, выпивает с ним, бежит к нему в кабинет, когда нет пациентов. Как же так можно?!

Нет, он не знает. Он просто берет ее на испуг.

И тут, словно прочитав ее мысли и угадав смятение, Иван заржал в полный голос.

– Курица! Глупая курица! – оборвал он свой смех злобным шипением, подошел к Алле и больно впился пальцами ей в плечо. – Думаешь, ты Герычу нужна?! Да у него таких овец, как ты... Идиотка! Или... А, стой, угадаю! У него же проблемы с жилплощадью, так? У него больная мама и сестренки не пристроены, а то бы он давно. Куда он тебя приведет, так? Так он тебе лапшу на уши вешает, курица?! А тут хата в пять комнат, но есть одно но! Это сильно пьющий, совершенно опустившийся супруг, который все никак не хочет издыхать! И выгнать-то его невозможно, квартира-то ему в наследство от бабки с дедом досталась. Как выгнать? Никак! Угадал, Алусик, ход твоих примитивных мыслей, а?

Алла окаменела просто. И не столько оттого, что Иван, оказывается, все знает и ее роман с его лучшим другом для него не секрет, сколько оттого, насколько гадким он ей теперь казался. Еще более гадким, чем прежде.

Знать все и молчать! Знать и молчать! Как так можно, господи?! Как можно так глубоко и прочно деградировать?! Он равнодушен к ней? Она перестала интересовать его как женщина? Но все равно должно было зло брать. Все равно он не должен был, не имел права оставаться таким равнодушным, каким оставался все последние месяцы. У нее же с Геральдом роман уже... уже десять месяцев.

– А вот тебе хрена! – И в щеку Аллы уткнулся его воняющий луком и морковью кукиш. – Вот вам, голубки, хрен, а не развод!!! И жить с тобой стану столько, сколько посчитаю нужным. И из квартиры никогда не съеду. Да и Антон, как бы он меня ни презирал, ни за что не потерпит в этом доме чужого мужика.

– Не потерплю! – раздалось от двери.

Алла дернулась, как от удара, перевела взгляд с опухшего мужа к двери. Антон стоял в одних трусах, укутанный все той же шалью, и смотрел на мать настырно и непримиримо.

– Ма, даже и не думай!

Антон прошел вперед, встал плечом к плечу с отцом, прижавшись задом к столу, на котором гирляндой висели натертая морковка и свекла.

Нацепляет теперь на пуховый платок, рассеянно подумала Алла. Нароняет потом по всей квартире. А в гостиную ковер постелен новый, и обивка у его дивана светлая.

Дикое, дикое семя! Дикое семя от дикого отвратительного мужика!

– Я ничего такого и не думала. Если что-то и стану менять в своей жизни, то только не здесь. Только не в этом проклятом доме.

Не роняя осанки, Алла поднялась, шагнула вперед и хотела уже было выйти из кухни, как вдруг передумала. Остановилась напротив мужчин. Сначала посмотрела на сына. Спокойно смотрела, без вины и раскаяния. Она перед ним ни в чем не виновата, если что. Потом перевела взгляд на Ивана. Тут уж ничего не смогла с собой поделать, скривилась, как от горького.

– Слушай ты, умник! – ткнула она его пальцем в грудь. – Если не прекратишь пить, то я...

– Что ты? – Почувствовав в лице сына поддержку, Иван совершенно распоясался и смотрел на нее с непотребным вызовом. – Что, перетрахаешь всех своих пациентов?

Она его ударила, хотя, по сути, сын должен был за нее вступить. Не вступился. Хороший мальчик! Держит нейтральную позицию.

– Я тебя своими собственными руками задушу, гад! – И для убедительности Алла с силой сомкнула на его морщинистой шее пальцы. – Просто возьму и задушу когда-нибудь во сне. А Геральд поможет мне с экспертизой. Так что думай, сволочь такая, как жить дальше станем. Так дальше продолжаться не может. И должно закончиться рано или поздно.

Рано или поздно...

Глава 4

– Заяц, здорово! Че делаешь? – хриплый голос давнего закадычного друга звучал в трубке безрадостно и даже с тоской. Яснее ясного, станет либо в гости звать, либо в гости проситься. А ему ну никак! Любаша должна вот-вот прийти. Ей тоже из дома вырваться не просто стало. Свидания сократились до минимума, и Зайцев начал понемногу тухнуть и скучать. А этого допускать было ну никак нельзя. Если его накрывала скука, то он пускался в разнос.

– И вам, Анатолий, не хворать. Отвечаю на второй вопрос: жду в гости друга. – Зайцев глянул на часы, Любаша опаздывала уже на десять минут. – Так что...

– Так что, Анатолий, идите на хрен? Правильно я понимаю? – Толик хрипло рассмеялся, не обидевшись. – А что касается друга... Это не та пухленькая брюнеточка, губки бантиком, рыжая лисичка на воротнике, белые сапожки?

– Что??? Что с ней??? – упавшим голосом прервал друга Зайцев.

Вот всегда, как только друг начинал зачитывать ему приметы все равно кого, он пугался. Почему? Да потому что друг работал в органах. Вместе они там работали, пока Зайцев не ушел на пенсию. Совсем причем ушел, подавшись в частный сыск. И деньги приличные, и хлопот почти никаких.

Какой у нас в стране сыск-то, господи! Следить за неверными мужьями и женами? Так это он запросто. Он вот одного такого выследил, жене отчет представил в виде четких фотографий и видео и вместе с гонораром ее и заполучил. Ну, захотелось обманутой Любочке отмщения, а он что? Он не против. Тем более что Любочка очень даже ему нравилась.

Потом было еще дело с пропавшим молодым человеком, искать которого органы отчаялись. Папаша подключил, еле-еле уговорив, Зайцева. И ведь нашел тот парня-то. Живого и вполне здорового нашел. Укатил, мерзавец, автостопом с подругой своей в Карпаты, и делу конец.

– Конечно! – с завистью тянул тогда Толик, накачиваясь презентованным Зайцеву дорожным коньяком. – У тебя деньги в руках и свобода действий, в плане свобода перемещения. А мы же по рукам и ногам связаны! Как мы могли его поймать-то?

– Его не надо было ловить, его надо было просто вычислить, – скромно улыбался Зайцев, хотя удовольствие щелкнуть по носу бывшего коллегу было запредельным. – Парень полгода лыжное снаряжение собирал, ясно же, что не в Египет собрался.

– На лыжах по всему миру катаются, – огрызался Толик.

– Да, но не везде у его девчонки родня живет. А вот в Карпатах как раз и обосновалась ее двоюродная бабка. Туда они и рванули. Честно, Толян, дело выведенного яйца не стоило. И как говаривал наш прославленный коллега-классик: дело даже не на трубку. На три затяжки дело было, Толян...

– Так что с... моим другом в белых сапожках, Каверин? – немного успокоился Зайцев, услышав хихиканье друга в трубке.

Если ржет, значит, с Любочкой все в порядке.

– Друг твой не придет, Леша, – с удовольствием констатировал Толик. – Поясню почему.

– Почему?

Алексей тут же сник, с обидой окинув взглядом накрытый к романтическому ужину стол. Он так старался, так готовился, купил продуктов на команду. Какие-то даже салаты готовил сам, что-то смешивал, резал, кромсал руками, перетряхивал в большой миске, красиво укладывал на тарелки. И чего, теперь все это коту под хвост? То есть Каверину в организм? Он, конечно, любит друга, сильно уважает, но не до такой степени, чтобы заправку для

салата готовить для того собственноручно. Он один хрен ничего не поймет. Ему все равно что есть: сырок плавленый или окорок, запеченный на углях.

Может, стоило убрать половину жратвы в холодильник?

– Поясняю... – начал Толик со странной одышкой. И тут же пояснил, чтобы друг не задавал глупых вопросов: – Я запыхался, потому что бегал по магазинам как заведенный, покупал нам с тобой покушать...

В этом месте Зайцев тут же застыдился и потащил тарелки из холодильника обратно на стол. Со стола исчезли только свечи и синие салфетки с белыми розочками. Без этого Каверин точно перебьется.

– А теперь я поднимаюсь к тебе, на твой чертов шестой этаж пешком. Лифт где-то наверху застрял. Ждать, что ли? – возмутился Толик и тут же спохватился. – Так вот поясняю... Друг-то к тебе шел, точно шел. И мы с ним даже в подъездных дверях едва не столкнулись. Но тут ей на телефон поступил звонок от лица разгневанного и властного.

– Что ты слышал?!

Алексей сразу напрягся. Любочкин муж, которого он в свое время выслеживал и выследил-таки с молодой продавщицей нижнего белья, вдруг начал вести совершенно здоровый, непотребный конкретно для Зайцева, образ жизни. Перестал выпивать, подолгу задерживаться после работы, пропадать на выходных. И как следствие стал больше внимания уделять своей законной супруге, у которой с частным сыщиком завязались романтические отношения. Более того, с некоторых пор законный муж начал подозревать свою законную Любочку, начал отслеживать ее звонки, ее визиты к косметологам, маникюрам и парикмахерам.

Зайцеву с Любочкой приходилось шифроваться, изворачиваться, сократить встречи до nepозволительного минимального уровня. Но сегодня-то, сегодня муж – гневный и властный – должен был быть в отъезде!

– Я слышал, что он велел ей немедленно быть дома, поскольку его поездка переносится, – пояснил Каверин, тяжело дыша. И тут же потребовал: – Открывай давай, я уже у твоей двери.

Зайцев поплелся открывать.

Каверин ввалился в его чистенькую уютную прихожую со стильной этажеркой из черного дерева, такой же вешалкой и плетеным ручным ковриком-циновкой от плинтуса до плинтуса, как бандит, честное слово. Глаза вытаращенные, рот открыт, по небритым щекам струи пота. Куртка нараспашку, вязаная шапка на затылке, седые лохмы торчат во все стороны, трикотажный жилет задрался, рубашка из штанов вылезла, две пуговицы расстегнулись, обнажая волосатый бледный пупок.

– Господи! Ты как Эверест брал! – недовольно поджал губы Зайцев, наблюдая за тем, как дружище следит грязными башмаками по его плетеной циновке. – Толян, хорош топать, разувайся!

– О-оо, зажирел, зажирел, смотрю, барин, – отозвался тот беззлобно, вздохнул и уронил свой зад на изящную банкетку, обитую черным вельветом.

Тут же Каверин, не обращая совершенно внимания на то, что банкетка под ним жалобно хрустнула, скинул шапку с курткой прямо на пол, стащил через пятку ботинки, кинул их к самой двери. Один башмак шлепнулся нормально, второй приложился грязной подошвой к дверной полировке, оставив невероятно мерзкий след.

– Прости, – тут уж он смутился. – Я вытру, Леш!

– Да ладно, сиди уж, – отозвался со вздохом Зайцев, вешая куртку с шапкой друга на вешалку и вытирая салфеткой жирный грязный след на двери. – Хотя лучше проходи, а то сейчас банкетку мою развалишь, медведь.

– Нашел медведя, – улыбнулся себе Каверин в зеркало, пригладил пятерней седые волосы, торчавшие в разные стороны. – Все никак не подстригусь! Уже и начальство на вид ставит... Ты вон какой холеный у нас! Барин, одно слово! И девчущку себе нашел ух ты какую! Не клиентка ли, Леша?

– Клиентка, клиентка, – подтолкнул друга в спину Алексей. – Топай в кухню. Там все готово.

Каверин поддернул штаны, заправил в них рубаху, оттянул книзу край трикотажной жилетки. Та настырно снова полезла вверх, обнажая растрескавшийся ремень на брюках. Покосился одобрительно на Зайцева. Тот даже дома, даже в легких домашних портках ухитрялся выглядеть, как на картинке.

– Это потому, друг мой, – не раз снисходительно поучал Каверина Алексей, – что портки мои стоят, сколько куртка твоя зимняя, а то и подороже. И подстригаюсь я в салоне, а не в парикмахерской при вокзале.

Поучал-то он все правильно, и Каверин в душе с ним соглашался, спорить только вот очень любил.

– Ух ты!!! – ахнул восхищенно Анатолий и с сожалением заглянул в свои пакеты. – А то у меня! Так, баловство одно.

– А ты оставь, оставь, глядишь, и твоим харчем побалуемся, дружище. А пока вот... Чем богаты, прошу к столу!

Часа через полтора, выпив и закусив, Каверин завел ставший уже привычным и обязательным нудный разговор о преимуществах.

– Вот скажи, – тряс он перед Лешкиным носом куском копченой корейки, – что за радость такая за чужими юбками наблюдать, а?

– Радости нет. Деньги есть.

Алексей сонно моргал, его всегда со спиртного в сон клонило, потому и не особо жаловал он выпивку. Вот до женщин он был азартен. Если уходил в разнос, то недели за полторы мог практически одновременно крутить роман с тремя женщинами. Но после того как у него появилась Любочка, он о подобном и не помышлял. Только бы вот муж ее теперь картины не подпортил. Приспичило ему, понимаешь, в любовь и верность поиграть.

– Деньги, деньги, одни деньги у тебя на уме! – Каверин в сердцах швырнул на стол надкусанный кусок. – А азарт! Где азарт-то, Леша?!

– Растерял я его за долгие годы службы, дружище. Просто растерял. Хочу жить удобно, сыто, ну и по возможности счастливо.

– И живешь?

– Что?

– Именно так и живешь? Удобно, сыто, счастливо?

– По возможности, – ответил Алексей уклончиво.

Не признаваться же было Тольке, что иногда нет-нет, да глодала тоска по прежним собачьим будням. Когда без премии пахали, без выходных, без жрачки путевой. Когда суррогат вместо кофе, и тому рад. И когда два кусочка сахара на весь отдел. И слипшиеся пирожки из забывшего закрыться вовремя привокзального буфета. Всяко бывало. И надоедало порой так, что биться головой о стену хотелось и послать всех к чертовой матери. Но все равно что-то в этом во всем было. Азарт, наверное. Прав Толян, сто раз прав. Азарт, желание доказать самому себе, что ты найдешь и сделаешь мразь, опустошившую чью-то квартиру или отнявшую чью-то жизнь, вот что ими всеми двигало в их работе. Вот чего сейчас временами остро не хватало.

Да, деньги были, азарта не было.

Они снова выпивали, закусывали. На удивление дружище высоко заценил салатную заправку и даже компоненты почти все угадал правильно. Алексей чуть не прослезился.

Полез обниматься, свалил бутылку, залил коньяком тот самый салат, который так нахваливал Каверин. Расстроился. Но друг тут же нашелся, схватив большую ложку и начав хлебать салат вместе с коньяком.

– О, красота какая! – бубнил он с набитым ртом. – О, красотища! И пьешь сразу, и закусываешь, не надо распыхаться... Не надо распыхаться, Леха!!! Вот это да! Вот это коньячный салатик! Это здорово...

Салатик-то друга и сгубил. Минут через десять тот уронил голову на стол и сонно засопел, время от времени что-то выкрикивая. Это он все еще пытался перетянуть Алексея на свою сторону, пытался заставить того признать, что в его буднях радости больше, чем в Лехиных.

– Циновка у него в коридоре, понимаешь, – бубнил он, когда Алексей тащил его в комнату на диван. – А у меня палас простой, и что? Это же не делает меня проще и хуже? Нет?

– Нет, нет, иди ровнее, – вздыхал Алексей, ругая на чем свет стоит Любочкиного мужа.

Все сейчас у него было бы иначе, все, не задумай тот отменить поездку. Вместо того чтобы сейчас ласкать упругое молодое тело смуглой брюнеточки, он тащит безвольное грузное тело своего старого друга на тот самый диван, с которого у них с Любочкой все и начиналось. А еще предстоял какой-то разговор, которым не успел его снабдить охмелевший Каверин. Но состояться тот должен, он пригрозил ему даже сквозь сон, запретив смываться.

– Я немного отдышусь, и тогда поговорим, – пообещал Каверин и тут же захрапел.

Пока он сотрясал стены зайцевской квартиры диким храпом, стонами и причмокиванием, Алексей убрал со стола, вымыл посуду и с конспиративного номера позвонил Любочке. Номер этот в ее мобильном не определялся, так что звонить можно было без опасений.

Трубку взял ее муж.

– Алло? – рявкнул тот в трубку.

– Алло. Леху позови! – нарочито сильно заплетаясь языком, попросил Зайцев. – Леха, ты, что ли?

– Нет, это не Леха, – вкрадчиво и поразительно спокойно ответил Любочкин муж. – Это Юрий. Это муж той козы, которую ты трахаешь! Еще раз позвонишь или, не дай бог, дотронешься до нее, я сожгу тебя вместе со всем твоим занюханым агентством. Следопыт, мать твою!

Где-то на заднем фоне плакала Любочка. Либо он ее выследил, либо выбил из нее признание. Третьего быть не могло.

– Тронешь ее... – уже без пьяного притворства просипел Зайцев, почувствовав вдруг в районе сердца странную болезненную пустоту, – я тебя так спрячу... Без права переписки, сука...

– Не дрейфь, солдат, – заржал вдруг Юрий. – Такое шикарное тело бить грех! Ему другое назначение, так ведь?..

И он бросил трубку, а Зайцев свою размазал о стенку. Тут же полез обратно в холодильник, достал коньячный салат, не доеденный Толиком. Вылизал всю тарелку и через десять минут храпел на полу неподалеку от Толика, швырнув себе под голову подушку.

Проснулись они одновременно. Сначала, как по команде, заворочались. Потом уселись каждый на своем месте. Глянули друг на друга с пониманием, ухмыльнулись.

– Как здоровье? – первым спросил Зайцев, ему-то было паршиво. Он редко когда так напивался. – Сколько времени?

– О, сколько сразу вопросов, – поморщился Толик, видимо, тоже состояние оставляло желать лучшего. – Здоровье так себе, честно, без прикрас. А времени... То ли вечер, то ли утро, черт его знает! Темно, одним словом. А на часах семь!

Через десять минут выяснилось, что вечер того же дня. И спали друзья всего-то пару часов. Долго умывались, плескаясь под ледяной водой. Зайцев даже зубы почистил, так противно было от самого себя. Чего нажрался, спрашивается? Ну запеленговал Любочку муж, что теперь, жизнь, что ли, кончилась? Такого исхода можно было ожидать, если учесть, что ее Юрий вдруг неожиданно взялся за ум.

Толика нашел на кухне. Тот варил кофе и наскоро лепил бутерброды из всего, что еще оставалось нарезанным на тарелках.

– Я всегда с похмелья так жрать хочу, – жаловался он другу с набитым ртом. – Ну ты должен помнить...

– Помню, – вздохнул Зайцев, сам-то он пару дней с похмелья есть не мог, тошнило даже от воды. – Ты это, Толик, о чем-то хотел со мной поговорить.

– Да? – Тот удивленно замер посреди кухни с перекинутым через плечо полотенцем и с ножом в руке, наморщил лоб. – В самом деле?

– Да, говорил, что тебе совет мой нужен. Или что-то в этом роде.

– Надо же... – мотнул друг головой, быстро схватил с огня турку с вздувшейся кофейной шапкой, разлил по чашечкам. – А о чем конкретно, не намекал?

– Да... – Леша наморщил лоб по примеру приятеля. – Что-то про странный повтор какой-то. Я честно ничего не понял из твоего лепета.

Толик кивнул, поставил перед другом чашку с кофе. Приказал пить и закусывать лимончиком, будто должно было помочь болезному. Сам к кофе не притронулся до тех пор, пока не смолотил дюжину бутербродов. Потом выпил уже остывший, почесал макушку.

– А я ведь вспомнил, Леха, че сказать-то хотел.

– Ну?

Зайцев болезненно скривился от присоветанного другом лимона. Швырнул в рот щепоть сахара, захрустел, стало чуть лучше. Быстро запил кофе.

– Понимаешь, какая фигня... – Толик положил локти на стол, отодвинул подальше опустевшую грязную посуду. – Месяца полтора-два назад на моем участке произошло самоубийство.

– Эка невидаль! – фыркнул Леша, прислушиваясь к головной боли, вроде утихала, может, не зря лимон-то ел. – Такого жмурья мы с тобой за свою практику насмотрелись! Таблеточки? Или как?

– Петелька, Лешка, петелька. Аккуратненькая такая петелечка из бельевой обычной веревки.

– И кто счастливчик?

– Молодая шикарная баба двадцати девяти лет. Тело такое... Даже через сутки в петле осталась хороша собой, даже с синей физиономией. Так бывает!

– Знаю, – кивнул Леша и осторожно протянул руку за вторым ломтем лимона, правда, прежде чем в рот отправить, несколько раз плотно обмакнул в сахар. – А что за мотив у такой красавицы? Нужда, голод, несчастная любовь?

– Нужды нет никакой, красотка была весьма успешной, бизнес процветал, квартира огромная, в порядке полном, тряпок нарядных полны шкафы. Драгоценности... Короче, не нуждалась. А что касается несчастной любви...

– Ну!

– Муж ее бросил.

– Ух ты, неужели? Такая редкость в наши дни, – язвительно подметил Леша, морщась от кислоты во рту. – Ведь никого не бросают, а ее...

– Мало этого, муж у нее половину состояния оттяпал, на которое и претендовать-то не смел, а...

– Как это не смел, а оттяпал?!

– Так дом построили, в браке состоя. Машины покупали так же. Вот и... Короче, его адвокат нашел лазейки.

– Ну-уу... Это еще не мотив, но уже кое-что. Хотя, если учесть, что она на улице не осталась, неубедительно. По твоей роже вижу, что было что-то еще?

– Был еще мальчик.

– Какой мальчик?!

– Маленький мальчик Саша, которого супруги, будучи еще супругами, усыновили. Взяли из детского дома.

– Оп-па! И куда мальчик подевался? Тоже маму бросил?

– Нет. Его отобрали!

– У богатой и успешной-то?! Что-то как-то... – Леша покачал головой, с радостью отметив, что стучать в ней перестало. – Не вяжется, Толик! За что отобрали? Кто отобрал?

– Отобрали органы опеки. За то, что мальчик при запившей от горя матери будто бы свалился с горки и набил себе пару шишек.

– Оп-па!!! Лихо! И кто же так подсуетился?

– А вот тут, Леша, история моя только и начинается... Слушай, может, на воздух выйдем, а? Жарко у тебя. – Каверин задрал край трикотажной жилетки, помахал им в воздухе, как опахалом. – На улице оно и думается легче.

– А пошли, Толик, пройдемся.

Он согласился с радостью, потому что знал: сейчас после своего рассказа Толик уйдет, и ему станет так тошно в его уютной милой квартирке, что хоть на стены вой. И не столько от мерзкого ощущения похмельной хандры, сколько от того, что не пришла сегодня Любочка. И еще она очень горько плакала где-то за спиной своего муженька, решившего вдруг, что после всех его кобелиных выходов он имеет право на свою жену.

Сволочь!!!

На улице начало подмораживать. Лужи, припорошенные мокрым снегом, покрылись ледяной колючей шубой, тротуары заблестели. Было невозможно идти, чтобы не хвататься за локти друг друга. К тому же дул отвратительный пронзительный ветер, и Зайцев тут же натянул на голову капюшон.

– Все выпендриваешься, все молодишься, – хохотнул Толик, надвигая вязаную шапочку поглубже. – И курточка легковата, и ботиночки.

– Нормально все, – буркнул Зайцев.

Его начало колотить, и он уже пожалел о своем скоропалительном решении. Из тепла да в стужу такую. Лежал бы сейчас на диване, смотрел в телевизор, дремал бы. Ладно, проводит Толика до остановки и назад вернется. Завтра с утра в агентство, может, его помощница накопила для него каких-нибудь дел? Если нет, придется ее со следующего месяца увольнять. Станет не по карману и аренду платить, и зарплату ей. Зимой народец не очень охоч до кобелирования, зимой предпочитает, вон как Любочкин муж, на зимних квартирах отсиживаться. Ближе к весне спрос на его услуги, летом самый разгар, а зимой...

– Так что там с мальчиком? – напомнил прерванный разговор Зайцев, его уже основательно трясло, и он боялся, что до автобусной остановки вряд ли дотянет. – Отобрали его органы опеки, и мать приемная в петлю сунулась?

– Ага, только вот странно она как-то сунулась в петлю-то, Леша. Не сразу, а спустя несколько месяцев.

– И что тебя удивляет? Тосковала, тосковала и...

– Логичнее было бы ребенка постараться вернуть, – возразил дребезжащим голосом Алексей, начав для сугрева подпрыгивать.

– Логичнее, только забрали мальчика-то.

– Как забрали? Кто?

- Отец родной у него отыскался, Леша. Да быстро так, молниеносно практически!
- А раньше где он был?
- Раньше-то...

Каверин сделал хитро-подлое лицо и глянул вниз, на трясущиеся от холода колени Зайцева. Ясно было, что интересное самое у него еще только впереди, но за здорово живешь он этого не скажет. Сначала душу помотает.

– Совсем я тебя, брат, заморозил. Ступай домой, наверное, – произнес друг с притворным сочувствием.

- Щас, погоди, щас пойду. Ты в двух словах, коротко, а? Кто отец ребенка?
- А вот угадай с трех раз!

Толик глянул в сторону автобусной остановки, до нее оставалось метров десять. Народу не было никого, значит, автобус только что отошел. Ждать минут десять-пятнадцать.

– Угадал? – снова повернулся он к другу, тот размышлял, на мгновение отвлекшись от согревающей дикой пляски.

- Ты хочешь сказать, что отцом... Родным отцом мальчика был его приемный отец?!

– Ну-уу, с тобой неинтересно. Ты сразу все угадываешь, Зайцев! – надул губы Каверин, саданул друга по плечу и кивком указал на светящиеся окна бывшей пивнухи – теперешнего бара с шикарным названием. – Может, зайдём? По пивку?

- А и пошли, – не стал ломаться Леша.

Домой снова расхотелось, чем-то зацепила его тема Толькина. Что-то было в ней еще недосказанное. Он начал издавека, впереди еще много интересного. В этом Зайцев был уверен, поскольку друга своего знал преотлично.

В баре было сумрачно, безлюдно и, если не считать легкого музыкального фона, непривычно тихо.

- Закрыты, что ли? – не понял Каверин, снимая куртку.

– Нет, нет, проходите, – высунул голову из-за колонны молодой бармен. – Не время еще просто. Народ после десяти только начинает собираться.

Они выбрали дальний столик, заказали по кружке пива с воблой. Дождались заказа, и только тогда Каверин продолжил:

– Самое поганое в этом деле то, что именно муж ее спровоцировал на то, чтобы усыновить мальчика.

- Понятное дело, он же его сын!

– Да, но ей-то он об этом не сказал, понимаешь? Сам знал, а ей не сказал. Усыновили, и усыновили конкретного ребенка, понравившегося именно ему, что тут такого?

– Ничего, – согласился Зайцев и сделал большой глоток. – Но вообще-то мнение двух сторон учитывается.

– Ой, да брось ты, Заяц, я тебя умоляю! Она млела от него, как кошка. Сказал бы Феденька ей макак усыновить, она бы это сделала запросто.

- Это кто так говорит?

- Это так сестра ее говорит.

- Она знала... Знала про то, кто родной отец мальчика?

- Сестра?

- Да.

– Нет, не знает. Она была тут у меня на днях, кое-какие формальности закрывали с ней, я осторожно так задал вопрос. Нет, сто процентов она не в курсе.

- А ты откуда прозрел?

- А мне их отчим поведал. Оборотистый мужик. Умный, хваткай.

Каверин так и сказал: «хваткай», из чего Зайцев сделал вывод: отчим ему не особо понравился.

– Он-то откуда узнал?

– Я же тебе, балбесу, говорю, что дюже хваткай мужик-то. Он бы и пацана не позволил отобрать, если бы был в городе. А то был в путешествии с женой, с их матерью. Когда вернулся, падчерицы в соплях все. Так, мол, и так, за время вашего отсутствия у нас упал с качелей или с горки, не помню откуда, Сашенька. Набил себе две шишки и разбил коленку. Мы в больницу. Там врачи шум подняли, вызвали органы опеки и милицию, узнав, что мальчик сирота. В два счета свершился процесс, где главными свидетелями выступали опять же врачи. Очень, по слухам, гневались. По слухам опять же, все про все заняло полторы недели. Вишь, как у нас судопроизводство работает, когда колеса отлично смазаны.

Каверин выдохся, припал к кружке и высадил одним махом половину. Потом принялся с наслаждением обглаживать рыбы ребрышки.

– Так ты думаешь, что этот ее бывший муж специально подкупил врачей, всех, кого можно, чтобы ребенка забрать?

– А ты так не думаешь? И опять же, это не я, а отчим их так думает.

– А что мешало этому Феде, кажется?

– Да, Феде, – кивнул Толик, снова припадая к пиву.

– Что мешало ему на законных правах заявить о своем отцовстве?! Все права на его стороне! Чего было огород-то городить?!

– Опять же со слов отчима повесившейся девушки, Федя этот не хотел публичности никакой. Его новая пассия была категорически против того, чтобы устраивать драчку за мальчика с опекуной. А тут, бац, и случай подвернулся – пацан расшиб коленку. Из органов опеки позвонили ему и спросили: могла ли эта травма быть нанесена мальчику опекуной? Он ответил то, что надо было в таких случаях ответить, и засуетился. Тихо смазал врачей, потом, может, еще кого, но тоже тихо. Потом также, не засветившись, мальчишку забрал из детского дома. А там ведь у нас все подписку дают о неразглашении.

– Как же тогда отчим-то обо всем этом узнал?

Зайцев сердито грыз тараний хвост, замучавшись ждать, когда же Каверин перейдет к главной теме дня. Она-то еще пока не была озвучена. Во всяком случае, он на это сильно надеялся. Чего ради тогда весь этот цирк?

– Я же тебе устал повторять: хваткай он, юркай!

Толик закатил глаза, попутно сдувая пивную пену с верхней губы. Его локти широко лежали на столе, вытирая рукавами рубашки хлебные крошки от прошлых посетителей.

Н-да, шикарное название этого местечка ничего в нем не изменило. Все тот же замызганный интерьер, те же сальные тряпки, те же пивные кружки в пятнах.

– И чтобы ты дальше не приставай, спешу ответить: сестры, одна до смерти своей, вторая до сих пор, так и не знали и не знают, кто забрал мальчишку и кто за всем этим скандалом с врачами стоял.

– Ага! Все дело все ж таки во врачах? В них упирается?

Зайцев сразу поскучнел. Скандалов этих врачебных он за свою практику повидал тьмутьмущую, но не помнил ни одного случая, дошедшего до суда. Ну, допустим, подкупленные бывшим мужем покойной врачи дали ложные показания, весьма приукрасив картину ушибов мальчишки. Из-за этого мальчика у приемной матери отобрали. Из-за этого она, возможно, в петлю полезла. Доказать-то, доказать причастность конкретно врачей в доведении до самоубийства невозможно! Как невозможно доказать факт подкупа! С этим либо за руку хватают, либо никак.

– А я совсем и не это имел в виду, психопат! – взревел Каверин и, отобрав последний кусок воблы у друга, без лишних слов сунул его себе в рот, принявшись аппетитно посасывать. – Я разве говорил тебе, что подразумеваю доведение до самоубийства?

– А что ты подразумеваешь, спокойный ты наш? – ядовито оскалился Зайцев. – Убийство, что ли?

И вот тут по тому, как испуганно заметался взгляд Толика по обшарпанному, плохо прибранному бару, как начал скакать со стульев и столов к потолку и обратно на пол, Леша понял, что попал в точку.

Не понравилось что-то Толику в самоубийстве молодой, красивой, удачливой женщины, хоть и оказалась та преданной мужем не единожды. Что-то заставило его сомневаться.

– И почему? – вернул к себе Зайцев мятущийся взгляд друга. – Что в той петле не так?

– Вот, черт!!! – ахнул Каверин, откинулся на спинку стула, уперся ладонями в край стола и забарабанил пальцами по замызганной, плохо вымытой столешнице. – Прямо в точку ведь, Заяц!!! Не в бровь, а в глаз, да в самое яблочко! Ведь в петле, в петле проклятой все дело!

– И что с ней не так? Удивительным морским узлом завязана? – ухмыльнулся Леша и тоскливым взглядом обвел бар и начавших собираться посетителей.

Та еще была компания. В одном из них он тут же узнал завсегдатая обезьянника, он то дрался, то бывал избитым, то угонял машину приятеля. Одним словом, конфликтовал с законом, и не раз. Тот тоже, несомненно, узнал в Зайцеве бывшего мента. Сразу улыбнулся нехорошо, толкнул локтем приятеля. Оба уставились в их сторону.

– Пора уходить, Толик, – резюмировал Зайцев и потащил разохотившегося до пива друга из бара. – А по пути ты мне доскажешь свою историю.

Финал истории Толик скомкал. Парой слов обмолвился о том, что в такой же петле, то есть завязанной точно таким же узлом, незадолго до гибели молодой красавицы нашли еще одну женщину. Та не пережила будто бы кончины своего пожилого мужа и покончила с собой.

– И даже записку оставила, – скрипнул зубами Толик, притопывая ногами на автобусной остановке. – Только родная племянница в той записке почерк тети не узнала.

– Она с ней часто переписывалась, что ли, чтобы почерк так досконально знать? – возразил противным голосом Зайцев, глянув в небо.

Черное и низкое, оно должно было вот-вот обрушиться на них что-то неприятное. Либо осадки в виде мокрого снега, либо ледяной дождь, как теперь принято говорить у синоптиков. И то и другое одинаково противно. Хорошо бы до начала природного шоу домой попасть и попробовать еще раз позвонить Любочке. Теперь уже с городского телефона. Может, Юрик ее выдохся уже играть славного доброго малого? Может, она одна?

– Племянница почерк тетки не узнала. И ты прав, она никогда с ней не переписывалась, – гневно раздул ноздри Толик и ткнул себя перстами в грудь. – Зато я узнал форму петли. Не странно ли, дружище? Вешается молодая красивая девка, а перед ней пожилая женщина...

– Именно это не кажется мне странным, – перебил нетерпеливо Зайцев: первые капли мерзкой влаги, не пойми из чего слепленной, упали ему на нос.

– Мне тоже. Но то, что петля была завязана одной рукой, к бабушке не ходи. У нас что, в районе услуга теперь такая имеется? Обращайтесь, ребята! – дурашливо вскричал Каверин, широко раскидывая руки. – Кому петельку завяжем, кому веревочку намылим!

– Может, совпадение? – невнятно бормотнул Зайцев.

Ему вдруг пришло сообщение на мобильный. А пальцы так свело от холода, что он даже не мог прочесть, от кого оно. Еле разобрал, что его баланс на нуле.

– Хорошо, – не хотел сдаваться Толик. – Пускай в петле совпадение. А то, что обе перед смертью наглопались снотворного, тоже совпадение?

– Оп-па! – ахнул Алексей. – Ты не говорил.

– Успеешь тут с тобой, споришь и споришь.

– Снотворное идентичное?

– Нет, – ворчливо отозвался Каверин, задрал край рукава куртки, глянул на часы. – Где же автобус-то провалился?! Снотворное разное, и что?!

– А что?

– Ответь мне, за каким хреном пить снотворное, если ты решил удавиться?! – заорал Толик, глянул на дорогу, автобуса не увидел и ходко потрусил в сторону угла соседнего дома, успев крикнуть: – Я щ-щас, Леха! Надо мне! А то сделаю это прямо на задней площадке!

Конечно, это странно, подумал Зайцев равнодушно, краем глаза наблюдая за тем, как дружище прячется за углом. Если решил залезть в петлю, то к чему снотворное? А с другой стороны, может, решили, чтобы уж наверняка? И в то же время: что, обе сразу решили? И петля одинаковая...

Многовато совпадений-то. Но тут же возникает громадных размеров НО!

Что могло связывать этих двух женщин?! Одна молодая, красивая, удачливая, богатая. И вторая – обычная пенсионерка, потерявшая мужа. Где могли пересечься их пути?!

– В больнице, – был краток по возвращении друг Каверин, застегиваясь и заправляясь уже на ходу. – У молодой девки врачи той больницы, можно так сказать, отобрали сына. У старой тетеньки врачи отобрали мужа.

– То есть? – Зайцев вцепился в рукав каверинской куртки, заметив приближающийся его сто второй автобус.

– Помер тот от перитонита. Упустил тамошний травматолог. Был ушиб внутренних органов с разрывом там чего-то, не помню уже. А тамошний травматолог йодовую сетку присоветовал на пузе дяде рисовать. Тот с неделю рисовал, а потом крякнулся от таких художеств. Так-то вот... Все, брат, мне пора.

– Как пора?! А подробности?! – заорал Зайцев, добежав за ним до самых автобусных дверей.

– По телефону, Заяц, приеду, позвоню!

Рассчитав время в пути для своего друга, Зайцев понял, что у него в запасе час почти, и решил быстренько смотаться к Любочке под окна. Что он мог увидеть с улицы в окнах восьмого этажа, он представлял себе плохо. И Любочка не могла помахать ему платочком из форточки, потому что не знала о его присутствии там. Но все равно настырно поехал, взяв такси.

– Не уезжай! – сунул он таксисту лишнюю сотню за ожидание. – Я быстро!

Быстро не вышло.

В окнах, во-первых, было темно и с одной стороны дома, и с другой. Значит, Любочки там быть не могло, спать укладывалась она в первом часу ночи обычно. А вот Юрец ее маетно по двору метался, и Зайцев на него тут же наварлся. И они даже потусили немного друг друга. Так, без синяков, и не от злости даже, а все больше от непонимания и страха за Любочку. Юрец не понял ничего, увидав Зайцева, прыгающего под окнами их многоэтажки.

– А ты чего тут?! – вытаращился он на Лешку с ненавистью и страхом. – А Любка где тогда?! Она же... Она же ушла от меня!

– К кому?! – побелел Зайцев. – У меня ее нет!

– Как нет, сволочь?! Как нет?! Она же ушла от меня!!! – И он первый двинул кулаком ему в плечо.

– К кому ушла?! У меня ее нет?! – тоже заорал Зайцев и ответил ударом тоже в плечо. – Какого черта выгонять жену на мороз среди ночи???

– Я не гнал! – Они уже крепко держали друг друга за воротники курток и кружили в странном диком танце, скользя и спотыкаясь о наледи. – Я пытался отговорить! А она тряпки в чемодан покидала и уехала...

– Уехала? На чем?! На такси? – Он сделал ловкую подсечку и повалил Юрку на скамейку, придавив сверху коленом. – На чем уехала, придурок?!

– Не такси точно. – Юрка мотал головой, с которой давно слетела шапка, и все пытался сбросить с себя зайцевскую коленку. – Я подумал, что твоя тачка. Темный джип. Это не ты?!

– Нет! Нет, как видишь! – Леша изловчился, поднял Юркину шапку с земли, ударил того по лицу. – Урод!!! Довел жену! Она с первым встречным укатила в ночь.

– С каким встречным-то? – отозвался тот плаксиво и сел на скамейке, согнувшись, сунул руки в карманы куртки.

– А я знаю! – Зайцев сел рядом. Тоже съежился весь от пронизывающего ветра и ледяной крупы, сыпавшей с неба.

Они помолчали, сердито сопя и косясь друг на друга. Потом Зайцев неуверенно подергал плечами.

– Слушай, Юрец... А у нее никого, ты не знаешь? В том смысле...

– В том смысле, не наставляет ли она рога еще и тебе? – зло заржал Юрец и шлепнул себя по коленкам. – Ты же у нас следопыт-то! Я-то кто? Я всего лишь обманутый муж!

– Обманутый муж обманутой жены... – произнес Зайцев тихо, поднялся и неожиданно подал руку сопернику. – Ну, бывай, Юра.

Тот мгновение раздумывал, потом руку все же пожал, втиснув в одеревеневшую от холода Лешкину ладонь свои ледяные пальцы.

– Слышь, следопыт! – окликнул он Зайцева, когда тот уже шагал к ожидавшему его такси. – Ты это... Если она к тебе вернется, не обижай ее! Я не обижал...

Зайцев ничего не ответил, сел на заднее сиденье такси и поехал домой.

Вот и все...

Вот все и закончилось, колотилось в его висках с противным остервенением.

Он обманывал, его обманули. Люба ушла сразу от них обоих. Просто села в большую черную машину и уехала, никому ничего не сказав.

Нет, а, с другой стороны, что она могла сказать вот лично ему – Зайцеву? Леша, прими меня? А он готов принять ее? Готов делить с ней целые дни и ночи напролет вместо коротких часов свиданий урывками?

– Не знаю... – разлепил губы Леша раздосадованно.

– Что? – тут же встрепенулся таксист.

Поговорить тому очень хотелось, он несколько раз принимался, да Зайцев не отвечал, он и умолкал.

– Ничего, – откликнулся Леша и головой замотал. – Тяжко прожить одному сорок семь лет и потом вдруг на что-то решиться.

– В плане бабы, что ли? – с пониманием кивнул таксист. – Понимаю, тяжело. Но и одному погано, брат. Даже тывкнуть некому!

– Собаку заведи, – проворчал Зайцев едва слышно.

Но таксист услышал и рассмеялся, не обидевшись.

– Собака – это не то. Собака – она что дитя. За ней уход какой! А баба ухода не требует.

– А чего она требует-то?

Он отвернулся к окну, рассеянно наблюдая за проносившимися на скорости домами, яркими светящимися витринами, людьми.

– Баба требует любви, брат. Больше ей, поверь, ничего не нужно. Даже деньги ей так не нужны, как эта сопливая любовь. – Таксист матерно выругался и успел воскликнуть прежде, чем затормозил возле Лешкиного подъезда: – А кто сможет-то им ее дать?! Чтобы каждый раз, как первый раз?..

Эти дурацкие слова таксиста застряли в голове, что та заноза.

Чтобы каждый раз, как в первый раз!

Сможет он так с Любочкой? Да, славно было им вместе, спору нет. Но всегда свидания кончались одним и тем же: кто-то из них да начинал торопиться. Она, понятное дело, спешила, чтобы не быть застуканной Юркой. Он...

А ведь он начинал тяготиться ее обществом часа через три, разве не так? И зевота странная одолевала. И на часы без конца смотрел, будто ее подталкивал – ну давай, давай, пошевеливайся, пора уже. И на следующий после встречи день не спешил ведь первый позвонить. Не потому, что обыгрывал принцип какой-то свой странный мужской, а потому что порой да и забывал о ней – о Любочке.

И вот сможет он при таком раскладе быть с ней каждый раз, как первый?

Нет. Не сможет.

Зайцев вошел в квартиру, включил свет в прихожей, швырнул куртку на вешалку, ключи на тумбочку, глянул на себя в зеркало и еще раз повторил уже более твердо и осознанно:

– Нет! Не смогу!

Тогда и нечего голову ей и себе морочить. И раз все так сложилось сегодня в ее жизни, то...

Звонок на домашний заставил его вздрогнуть и насторожиться.

А вдруг Люба?! Вдруг она пересиживает где-то у подруг свое скоропалительное решение уйти от мужа и теперь вот звонит ему, чтобы потребовать от него какого-то сигнала?

Но он не готов, блин!!! Он не хочет к ней, не хочет ее сюда, не хочет с ней так, чтобы навсегда, блин!!!

Зайцев покусал указательный палец, зависнув над телефонным аппаратом.

Брать трубку или нет? Ответить или нет на звонок? Это ведь может быть и дружище Каверин, по времени как раз должен был добраться домой. А могла быть и Любочка, хлюпающая носом. Она расплатится, он позовет. А дальше?!

– Да! – рывкнул Зайцев в трубку, сняв ее после десятого звонка, все это время он себя тихонько презирал за трусость и малодушие.

– Че орешь-то? – добродушно поинтересовался Каверин и шумно зевнул. – И где был? Я тебе уже третий раз звоню?

– Так это... Прогуливался и...

Врать смысла не было, и Зайцев покался. Причем покался во всем. И даже в том, что боится теперь Любочкиных звонков, потому что не знает, хочет он ее с такой же силой, как прежде, или нет?

– Ссышь, Заяц, что к тебе под крышу попросится? – заржал друг.

– А как не ссать-то, Анатолий? – Он тоже невольно рассмеялся, и страхи его показались вдруг какими-то надуманными и несущественными. – Сейчас в дверь позвонит, на грудь кинется, а мне что делать?

– Койку большую покупать. – Друг снова зевнул протяжно и тут же спросил: – Бесплатный совет хочешь?

– Ну!

– Гони ты эту девку от себя куда подальше.

– Че это?

– Не твоя она, друг Лешка. Не твоя.

– Да она теперь и ничья вроде, – неуверенно возразил Зайцев и облегченно выдохнул.

Толькина поддержка многого стоила. Он вообще-то здорово в жизни разбирался. И мастерски давал советы, выстреливая всегда десять из десяти.

– Я не про то, что баба эта от мужа удрала, Леха, – досадливо перебил его Каверин. – Я про то, что она так и будет всю жизнь свою бегать. То от него, то от тебя, то от тебя к нему

и обратно. Знаю я категорию таких вот бабочек. Они до конца дней своих так и не могут разобраться, кто им конкретно нужен.

– Да она вроде с мужем-то из-за измены, – неохотно попытался заступиться за Любу Алексей. – Он кобелировал тут одно время знатно.

– И че? А ты не будешь, что ли? И ты со временем будешь, я же тебя знаю. Ты еще ого-го как будешь! Нет, брат... – Толик вздохнул и цыкнул на кого-то беззлобно, приказав не вылезать из-под одеяла. – Измена – это не повод для развода. Ты же не хуже меня знаешь, чего я тебя учу-то, господи! Не твоя это женщина, Леха. Не твоя. Ей рука властная нужна, чтобы за хвост прочно держала. А тебе оно надо: возиться с ней? У тебя терпения не хватит, друг!

– Может, и так. Может, ты и прав.

Леша прыгнул с телефонной трубкой на диван, закинув ноги на спинку, уложил голову на подлокотник. Задумчиво обвел взглядом комнату – стильную, модную, просторную... для одного. Второму человеку тут явно нет места.

– Я всегда прав, – авторитетно заявил Каверин и тут же без переходов перебросился на интересующую Зайцева с недавнего времени тему. – И я тысячу раз прав, утверждая, что с двумя этими самоубийствами что-то нечисто.

– А где утверждаешь-то? На самом высоком уровне?

Взгляд Алексея зацепился за одежный шкаф, упирающийся верхом в потолок и занимающий большую часть угла возле балконной двери. Там ведь тоже полка на него лишь одного. Ну куда там Любочкины вещи вместишь? А Юрка сказал, что у нее вещей два чемодана и большущая сумка.

Не-ет, ну нет же!

– Какой высокий уровень, дружище, о чем ты? – с горечью воскликнул Каверин и снова цыкнул на кого-то.

– На кого ты там все шикаешь? – не выдержал Зайцев, прекрасно зная, что друг его после развода с женой живет один.

– На кошку, Леша, на кошку. Подобрал тут на днях, чтобы одинокую старость скрасить, – поспешно ответил Каверин и снова заныл: – Кому я мог доложить о своих подозрениях, вот скажи?! Ты что, забыл, как работал?! Удавились бабы, и хрен с ними! Кто позволит дело завести? Конец года! Кому нужны такие косяки?! Это я так, по-свойски, с тобой!

– Но ты вот точно уверен, что с тетками что-то не так?

Зайцев вдруг нервно дернул головой, почудилось, что во входную дверь кто-то тихонечко скребется. Может, показалось, а может, и нет? Спустить ноги с дивана и пойти посмотреть ему было жутковато. Откроет, а там зареванная Любочка с чемоданами.

Что делать тогда?! Что решать?! И прогнать не прогонишь. И принять на ночь чревато. Останется на всю жизнь, а?

– С тетками явно что-то не так. Я в плане головы, – хмыкнул Каверин. – Следов насилия на них нет, это сто процентов, я сам досматривал. Если им помогли уйти из жизни, значит, поняли, что почва благодатна... Нас ведь с тобой в петлю не сунешь запросто так. Так?

– А снотворное забыл? Что, если дамам подсыпали снотворного, а потом аккуратненько в петельку и препроводили? А? Как тебе?

– Именно так и мне, друг Леха, – вздохнул Каверин и зашептал, зашептал что-то, будто бы снова на кошку. – Именно так я и думаю. И мотив будто бы имеется для их устранения: чтобы не мучили бабы воду и не трясли обличительными документами перед порогом прокуратуры. Но!

– Что – но?

– Они ведь и не трясли!

– Документами?

– Ну! Бабуся еще ходила ко мне какое-то время со слезами, а потом ходить перестала. Махнула, так сказать, рукой. Доказать, говорит, у меня ни жизни, ни денег не хватит. А девка-то молодая и вовсе никуда не совалась. Запила, по слухам, с горя, и все. Да ей и отчим не позволил бы с жалобами мотаться. Он же знал, кому дите то досталось.

– Хочешь сказать, что они никому не мешали и не сворачивали кровь? А че тогда?

Тут Каверин снова шепнул что-то милое своей кошке, и Зайцев обеспокоенно приподнялся на локте.

Называть кошку лапуней?! Что-то здесь не то...

Да не может быть! С женщиной он! Чего врать-то? И тут же легкая обида кольнула сердце. Ему Любочку отсоветовал, а сам? Сам что-то затеял?

– Че тогда-то... – Каверин ненадолго задумался. – А не знаю, брат. Тут еще такое дело...

– Какое?

– Бабуся эта была у меня дня за три-четыре до своей кончины и приставала со странными опасениями.

В этом месте Толик утробно хохотнул и звонко щелкнул ладонью обо что-то. И Леша теперь уже точно был уверен: друг про кошку чушь сморозил. Просто не хочет раньше времени языком молотить. Или в присутствии дамы не хочет ее обсуждать. Или у него в гостях снова та самая соседка с верхнего этажа, над которой однажды Зайцев имел неосторожность посмеяться.

Нет, ну а как не смеяться, если она старше Толика лет на десять. Если ему сорок с лишним лет, то ей – считайте! Соседка всю жизнь почту разносила в их районе, руки сумками оттянула чуть не до колен, пятки растоптала до копыт телячьих. Представляете, как выглядит?!

Он и сказал о своих соображениях Толику, а тот обиделся и не звонил потом почти месяц.

– Какими опасениями, Толик? – поторопил Зайцев, которому снова почудилось, что в его входную дверь кто-то скребется.

– Бабуся казалось, что за ней кто-то следит. Будто видит она одного и того же человека в разных местах. Будто ходит он за ней.

– Паранойя?

– Скорее всего, Леш, а там, кто знает. С сестренкой бы поговорить этой, как ее... О, вспомнил, Светлана Свиридова. С ней бы поговорить, поспрашивать, не было ничего такого же замечено у них с погибшей сестрой? Да мне разве позволят!

У Зайцева аж дух перехватило от прорезавшегося женского голоса из Толькиной трубки. Это точно не кошка позвала его по имени. Капризно, в то же время нежно. И это точно не была соседка с верхнего этажа. У той голос был, как лязг крышки мусоропровода. Нет, это был молодой женский голос.

Ишь ты! Старый пес! Его отговаривает, а сам...

– Хочешь сказать, что мне до этого есть дело? – прервал он стремительный полет своих подозрений в адрес друга вопросом в лоб. И задал он его неприятным скрипучим голосом, что, конечно же, было из-за молодого женского присутствия, обнаружившегося в жизни Толика. – Хочешь сказать, что мне нужно поговорить с этой сестренкой? Как ее – Светка? А зачем? А за сколько, Толик? Кто заплатит мне за мой интерес?

– О-о-о, погнал, блин! – протянул Толик с обидой. – Деньги весь азарт, весь профессиональный интерес в тебе вытравили. Ладно, забудь и забей, друг! Помер Никодим, а и хрен с ним...

И Толик трубку бросил.

Какое-то время Зайцев еще полежал, постукивая антенной от телефонной трубки себе по щеке. Потом со вздохом поднялся, трубку вернул на аппарат, проверил мобильный – не

было никаких пропущенных вызовов и непрочтенных сообщений. И пошел в прихожую. Встал у двери, прислушался, уперев руки в бока.

Нет, что хочешь делай, кто-то под его дверью сидит.

И прямо тут же Любочка пригрезилась. Сгорбившаяся, заплаканная, усевшаяся на чемодан со своими вещами и не знающая, как войти в эту дверь теперь уже в другом качестве. А и пускай, что ли, входит, вдруг решил с озорством Зайцев, потянувшись к замку. Сюда проскочит, а там как хочет!

Он дернул дверь на себя и удивленно округлил глаза.

На резиновом коврике, свернувшись калачиком, дрожало крохотное вислоухое создание – тельце в складочку, глаза-бусины. Глянув на Зайцева, создание жалобно заскулило, поднялось на нетвердых лапках и несмело шагнуло в его сторону.

– Ты кто, дружище? – ахнул Зайцев, присаживаясь на корточках. – Ты откуда?

Щенок негромко тявкнул, еще раз шагнул, покачиваясь, и уткнулся влажным теплым носом в его ладонь. И так при этом он вздохнул, зажмурив глаза-бусины, с такой обреченной печалью, а может, наоборот, с облегчением, Зайцев даже не понял точно, но внутри у него вдруг что-то щелкнуло предательски и заныло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.